

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плутарх

Об Исиде и Осирисе

Предуведомление

Биография знаменитейшего из биографов столь часто приводилась в многочисленных изданиях его «Сравнительных жизнеописаний», что решительно нет никакого смысла подробно излагать ее еще раз. Вкратце же она такова: родился Плутарх в середине 40-х годов I века н. э. в городке Херонее, в Беотии, где и прожил большую часть своей жизни («...я живу в маленьком городе, и чтобы он не сделался еще меньше, охотно в нем остаюсь»). Учился в Афинах у платоника (академика) Аммония, несколько раз бывал в Риме (впервые – при императоре Веспасиане), имел некоторое влияние при дворе (есть известие, что император Траян требовал от наместников Ахайи, чтобы те в управлении провинцией руководствовались указаниями Плутарха).

В своем родном городе Плутарх избирался смотрителем проектов и архонтом, был также избран гражданином Афин. Большую же часть своего времени (за исключением литературной деятельности) уделял воспитанию сыновей и молодежи. Последние годы жизни Плутарх прожил в Дельфах, состоя жрецом в храме Аполлона (именно там и были написаны трактаты, представленные в данном издании). Умер приблизительно в 120 г. (последний раз упоминается в хронике Евсевия в 119 г. как глубокий старик).

Как Галлия делилась на четыре части, так и все богатейшее литературное наследие Плутарха (согласно Ламприеву каталогу – порядка трехсот книг, около двух третей которых – утрачено) – на две: «Сравнительные жизнеописания» и «Моралии». Принцип разделения, предложенный горячим поклонником и систематизатором Плутарха, византийским монахом Максимом Планудом (1260–1310 гг.), крайне прост: все, что не подходило под «Сравнительные жизнеописания», включалось в «Моралии». Таким образом «Моралии» – механическое соединение более восьмидесяти больших и малых работ, посвященных самым различным вопросам (любопытно, как отнесся бы к этому эклектик Плутарх?!). Чисто философские (впрочем, понятие «чисто» вряд ли применимо к славному предтече энциклопедистов – Плутарх никогда не мог, да и не хотел удерживать себя в рамках какой-либо одной выбранной темы и, в конце концов, моралист и бытописатель брали в нем верх) работы, за редким исключением, до нас не дошли, но если судить по сохранившимся названиям, были по преимуществу посвящены комментированию и трактованию отдельных мест из Платона. Плутарх вообще искренне считал себя академиком, но был им скорее «платонически», ибо трудно себе представить, чтобы он, любящий отец и примерный семьянин, певец ратных подвигов, «гражданских» добродетелей и «мудрых» пиров действительно воспринимал наш чувственный мир лишь как жалкий образ и подобие эйдетических красот, а тело – только как «темницу души». Читая блестящего Платона, мы не можем не услышать «холодный смех бессмертных», чего никак нельзя сказать о «платонике» Плутархе, мыслителе пускай и поверхностном и вторичном, но очень добром и человечном, а потому и одним из обаятельнейших писателей, причем не только древности.

Об Исиде и Осирисе

Перевод и примечания Н. Н. Трухиной

1.

Всяких благ, Клея*, люди, имеющие разум, должны просить у богов, более же всего мы желаем и молим получить от них знание о них самих, насколько это доступно людям; ибо и человек не может принять ничего более великого, и бог даровать ничего более священного, чем истина. Все остальное, в чем нуждаются люди, бог дает им полностью, разума же и мудрости – часть, владея

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
и распоряжаясь ими как своей особой собственностью. Ибо божество блаженно не золотом и серебром и сильно не громами и молниями, но способностью постигать и знанием. Гомер провозгласил это прекраснее всего того, что он говорил о богах:

«Оба они и единая кровь и единое племя;

Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал»

Он ясно изрек, что превосходство Зевса более свято, ибо старше знание и мудрость его. И я полагаю, что в той вечной жизни, которая суждена богу, блаженство состоит в том, что его знание ничего не упускает из происходящего, а если бы отнято было познание и постижение сущего, то бессмертие было бы не жизнью, но временем.

* Дельфийская жрица. Ей же посвящен трактат Плутарха «О доблести женщин».

Ном II. XIII, 354. Перев. Н. и Гнедича (Илиада, л, 1956).

2.

Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному, ибо она содержит изучение, исследование и восприятие вещей священных и является делом более святым, чем любое очищение и служение в храме; не менее приятна она и богине, которой ты служишь, небывало мудрой и расположенной к мудрости, само имя которой, как представляется, говорит о том, что более всего ей присущи способность познавать и знание.

ибо Исида – греческое имя, так же как имя Тифона*, который, будучи врагом Исиды, беснуется в своем невежестве и лживости и разрывает, и уничтожает священное слово, которое богиня собирает, соединяет и передает посвященным в таинства; и посвящение, предписывающее постоянно умеренный образ жизни и воздержание от многих видов пищи и любовных услад, ослабляет разнузданность и любовь к наслаждениям и приучает людей пребывать в служении непреклонными и суровыми, целью чего является постижение Первого, Владычествующего и доступного только мысли; богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней. Название же храма, бесспорно, возвещает о постижении и знании сущего: он именуется Исейон* в знак того, что мы познаем сущее, если разумно и благочестиво приблизимся к святыням богини.

* Плутарх ошибается: Исида – египетское имя, Тифон – греческое божество, отождествленное с Сетом. Плутарх производит первое имя от οἴβα – знать, второе – от τίχρoсo и тифсо – дымить, жечь; беситься, чваниться.

Здесь под священным словом (логосом), очевидно, подразумевается Осирис.

* Он ищет в этом слове корни от οτsα и ον (сущее).

3.

Более того, многие пишут, что Исида – дочь Гермеса, и многие – будто она дочь Прометея*, потому что считают последнего изобретателем мудрости и предвиденья, а Гермеса – грамматики и музыки. Поэтому в Гермополе первую из муз называют одновременно Исидой и Справедливостью, ибо она, как я уже говорил, мудра и открывает божественное тем, которые правильно и справедливо зовутся гиерофорами и гиеростолами. Это они несут и укрывают в душе, как в ларце, священное слово о богах, чистое от всякого суеверия и суетности, приоткрывая лишь некоторые части своего учения, то окутанные мраком и затененные, то ясные и светлые, как те символы, что явлены в священных одеяниях. Поэтому, когда в них обряжают умерших жрецов Исиды, то это есть знак того, что То Слово пребывает с ними и что, владея только им и ничем больше, они отходят в иной мир. Но как не борода и ношение рубища, Клея, делают философов, так не создают жрецов Исиды льняное платье и бритые

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
волос. Ибо истинным служителем Исиды является тот, кто Всегда по правилам воспринимает все, что говорят о богах и что во имя их совершают, исследуя это разумом и рассуждая о заключенной в этом истине.

* В египетской традиции Исида – дочь Геба (греческая параллель – Крон) или Тота (Гермеса).

Хранители священных сосудов и облачений.

4.

Однако большинству людей непонятны даже такие самые общеизвестные и незначительные правила: почему жрецы удаляют волосы и носят льняные одежды*. Некоторые вообще не заботятся знать это, другие же говорят, что жрецы отказываются как от шерсти, так и от мяса потому, что они почитают овцу, бреют голову в знак скорби, а лен носят из-за цвета, который он испускает во время цветения и который голубизной подобен воздуху, окружающему мир. Но истинная причина для всего этого одна: недозволено, как говорит Платон, нечистому касаться чистого. Отходы же и отбросы не чисты и не почтенны, а принадлежащие к отходам шерсть, пух, волосы и ногти рождаются и растут. И смешно было бы, если бы жрецы, удаляя при очистительных обрядах свои собственные волосы, выбривая и полируя тело, надевали бы и носили волосы животных. Надо полагать, что когда Гесиод говорит:

«На пятипалом суку среди цветущего пира бессмертных Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши»*,

он учит, что следует приступать к празднику, очистившись от всего этого, а не прибегать к очищению и удалению излишков во время священных церемоний. Что же касается льна, то он рождается из бессмертной земли, производит съедобное семя и поставляет простую и чистую одежду, не отягощающую защиту; она пригодна для всякого времени года и, как говорят, менее всего плодит вшей. Но это уже разговор иной.

* Herod.. II, 37, 81.

Phaedo 67b.

* Hesiod., Opp. 742. Перевод Вересаева (Эллинские поэты).

5.

Жрецы питают такое отвращение к природе отходов, что не только отказываются от многих видов бобов, от овечьего и свиного мяса, но во время очистительных обрядов удаляют из пищи и соль, для чего есть много оснований, но также то, что соль, возбуждая аппетит, заставляет больше есть и пить. А считать соль нечистой из-за того, что в ней, когда она застывает, как утверждает Аристагор*, увязают и погибают малые существа – глупо. Говорят также, что Аписа поят из особого колодца и вообще не подпускают к Нилу, и это не потому, что считают воду нечистой из-за крокодилов, как думают некоторые: ничто египтяне так не почитают, как Нил; но считается, что нильская вода, когда ее пьют, вызывает тучность и ожирение. Жрецы не желают этого ни Апису, ни себе, но хотят, чтобы их тела удобно и легко обволакивали души и чтобы божественное не было стеснено и обременено смертным началом, которое бы одолевало и отягощало его.

* Аристагор из Милета, историк IV в. до н. э., автор труда о Ниле.

6.

Что касается вина, то из тех, кто служит богу в Гелиополе, одни вообще не вносят его в святилище, ибо непристойно пить днем, на глазах владыки и царя, другие употребляют его, но мало. И у них есть много празднеств, когда вино под запретом, когда они проводят время, предаваясь мудрости, учась и уча божественному. И цари, сообразуясь со священными предписаниями, пьют определенное количество, как пишет Гекатей*, ибо они – жрецы Начали пить вино со времен Псамметиха, а сначала его не пили и не совершали им возлияний как чем-то приятным богам; напротив, вино считают кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них, якобы, произросла лоза.

Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполнились кровью предков. Эвдокс* во второй книге «Описания земли» утверждает, что именно так об этом рассказывают жрецы.

* Гекатей из Абдер, философ и историк, участник похода Александра Македонского. Написал сочинение о Египте.

Первый фараон XXVI династии (664–610 гг до н. э.). Египетские предания и археология опровергают такую позднюю датировку.

* Эвдокс Книдский (около 408–355 гг до н. э.) – математик, астроном, географ.

7.

Также морскую рыбу отвергают не всякую, но некоторые ее виды, например, оксиринхиты – рыбу, пойманную на крючок. Ибо они почитают оксиринха* и боятся, что крючок может оказаться нечистым из-за того, что осетр клевал на него. А сиэниты избегают фагра, потому что считается, что он приходит одновременно с подъемом Нила и, являясь взорам как добровольный глашатай, возвещает радостным людям о разливе. Жрецы же воздерживаются от всякой рыбы. В девятый день первого месяца, когда все остальные египтяне едят жареную рыбу у своих наружных дверей, жрецы, не отведав блюда, жгут ее у ворот, имея на то два объяснения; об одном из них, священном и тонком, я расскажу потом: оно относится к высшему учению об Осирисе и Тифоне; второе, ясное и доступное, гласит, что рыбные блюда не являются необходимой и простой пищей, а в свидетели берется Гомер, у которого и изнеженные фракийцы, и жители Итаки, островной народ, не пользовались рыбой, так же как и товарищи Одиссея в столь долгом плавании и посреди моря, пока они не впали в крайнюю нужду*. Вообще египтяне считают, что море выделилось из огня и, выходя за пределы мира, является не частью его или элементом, но чуждым ему отбросом, вредным и губительным.

* Осетра. Strabo, XVII, 40; Aelian., De Nat. Anim. X, 46; Clem. Alex., Protrep II, 39, 5.

Aelian., De Nat. Anim. X, 19.

* Horn., Od. IV, 369; XII, 332.

Разночтение: из гноя. См. Loeb, p. 18. Ср. Hesiod., Theog. 739: крайние области тьмы, как нечто чуждое этому миру, именуется гнойными. С другой стороны, огненная природа моря характеризует его как стихию Сета-Тифона.

8.

Ничего бессмысленного и фантастического, как думают некоторые, ничего, проистекающего от суеверия, не вводят они в священные обряды: одно имеет основанием нравственность и пользу, другое не чуждо тонкостям истории и природы, как, например, то, что связано с луком. Что Диктис, потомец Исиды,

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
хватаясь за лук, упал в реку и утонул – это крайне неправдоподобно. Но жрецы, остерегая себя от лука, брезгуют им и отвращаются от него потому, что только он один вызревает и зацветает при убывающей луне. И неприемлем он для постящихся и праздноующих, так как у первых, отведавших его, вызывает жажду, а вторых заставляет плакать. Также и свинью считают они нечистым животным, ибо имеется представление, что чаще всего она спаривается при убывающей луне и что у пьющего ее молоко тело покрывается проказой и накожными струпьями*. Историю же, которую они рассказывают тогда, когда раз в год, в полнолуние, приносят в жертву и едят свинью, и которая гласит, будто Тифон, преследуя при полной луне кабана, нашел деревянный гроб, где лежали останки Осириса, и разломал его, эту историю признают не все; некоторые считают ее, как и многое другое, пустыми рассказами. О древних же говорят, будто они презирали роскошь, расточительность и наслаждения настолько, что в Фивах, в храме, имеется по слухам стела, исписанная проклятиями царю Миносу, который первым отучил египтян от умеренного, бескорыстного и простого образа жизни. Говорят еще, что Технакт, отец Бокхориса*, во время похода на арабов, когда запоздал его обоз, с удовольствием отведал первую попавшуюся пищу, а потом, переспав глубоким сном на соломе, возлюбил неприхотливость. По этой причине якобы он проклял Миноса и с одобрения жрецов запечатлел проклятия на стеле.

* Herod., II, 47; Aelian., De Nat. Anim. X. 16; Tac., Hist. V, 4.

Diod., I, 45. В египетских источниках нет данных, подтверждающих этот рассказ, но вообще нетрудно понять, почему первый царь первой династии стал символом разрушения древнего, примитивного образа жизни.

* XXIV династия, 730–715 гг до н. э.

9.

Царей египтяне выбирали из жрецов или воинов, причем военное сословие имело влияние и почести благодаря мужеству, а жрецы – благодаря мудрости. Выдвинувшийся из воинов тотчас делался жрецом и становился причастным к мудрости, окутанной мифами и речениями, несущими в себе смутные проблески и отражения истины; несомненно, по этой причине они символически выставляют перед храмами сфинксов* в знак того, что тайную мудрость заключает в себе их учение о божественном. А в Саисе изображение Афины, которую они называют Исидой, имеет такую надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрывала». Также многие полагают, что собственно египетское имя Зевса – Амун (или Аммон, как неправильно произносим мы). Себенит же Манefon считает, что это слово означает «сокрытый» или «сокрытие». А Гекатей из Абдер говорит, что египтяне употребляют это выражение в беседе, когда обращаются к кому-нибудь, ибо оно и есть обращение. Поэтому когда они взывают к высшему божеству, которое они считают тождественным всеобщности и как бы незримым и сокрытым, когда молят его показаться и обнаружить себя для них, то они произносят «Амун». Таково благоговение египтян перед мудростью, касающейся дел божественных.

Дают нам свидетельства и мудрейшие из эллинов: Солон, Фалес, Платон, Эвдокс, Пифагор и, как некоторые утверждают, Ликург, которые приезжали в Египет и общались с жрецами. Говорят, что Эвдокс учился у Ксонофея из Мемфиса, Солон – у Сонхита из Саиса, Пифагор – у гелиополита Ойнуфея. Особенно, кажется, этот последний, восхитительный сам и восхищавшийся жрецами, подражал их таинственной символике, облакая учение в иносказание.

* Очевидно, имеются в виду не только сфинксы в виде льва с человеческой головой, но изображения звероголовых богов вообще.

Diod., I, 96; 98; Clem. Alex., Strom. I, 69, I

10.

Большинство предписаний пифагорейцев ничем не отличается от так называемых иероглифических писем, например: не принимать пищу, сидя на колеснице; не есть свой хлеб в праздности*; не сажать пальму; не разгребать в доме огонь ножом. И я, со своей стороны, полагаю: то, что эти люди называют единицу Аполлоном, двойку Артемидой, семерку Афиной, а куб – Посейдоном – это все сходно с обрядами, изображениями и, клянусь Зевсом, письменами в египетских храмах. Ибо, например, царя и владыку Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра. Причем некоторые толкуют его имя как «многоглазый», потому что «ос» – по-египетски значит «много», а «ири» – «глаз». Небо же, так как оно, будучи вечным, не стареет, они изображают знаком сердца с курильницей под ним*. А в Фивах были выставлены безрукие изображения судей, причем статуя главного судьи – с сомкнутыми веками в знак того, что справедливость неподкупна и беспристрастна. Символом воинов было резное изображение скарабея, ибо у скарабеев нет самок, но только самцы*. Детенышей же они рожают в веществе, которое скатывают в шар, заботясь о средстве питания не менее, чем о месте рождения.

* Выражение, дословно не воспроизводимое. Diod, I, 11

* Ср. Herodotus, Hierogl. I, 22: сердце над дымящейся курильницей – обозначение Египта. Разночтение, основанное на вставке – небо они изображают знаком кобры, а страсть – знаком сердца с курильницей под ним. См. Griffiths, стр. 132.

Diod., I, 48. Изображения такого рода действительно существуют.

* Aelian., De Nat. Anim. X, 15; Porphyr., De Abstin. IV.9.

11.

Итак, Клея, когда ты слушаешь те мифы, в которых египтяне рассказывают о богах, об их блужданиях, растерзаниях и многих подобных страстях, то следует помнить о том, что сказано раньше, и не думать, будто что-либо из этого произошло и случилось так, как об этом говорят.

Гермеса, например, называют собакой* не в собственном смысле слова, но, как говорит Платон, связывают с хитроумнейшим из богов бдительность этой твари, ее неутомимость и мудрость, ибо она различает дружественное и враждебное по своему знанию или незнанию предмета. И никто не думает, что солнце, как новорожденное дитя, поднимается из лотоса, но так на письме изображают его восход, символически обозначая, что воспламенение солнца происходит от воды. Также Оха, самого жестокого и грозного из персидских царей, который убил многих и, наконец, зарезал и съел с друзьями Аписа*, прозвали мечом, как до сих пор именуют его в каталоге царей; и я полагаю, что таким образом обозначают не отдельное собственное лицо, но сравнивают с орудием убийства жестокость и испорченность характера. Итак, если ты будешь внимать историям о богах подобным образом и будешь выслушивать их от тех, кто толкует миф благочестиво и мудро, если ты всегда будешь исполнять и блюсти предписанные обряды, понимая, что нет для богов более приятного дела и более приятной жертвы, чем истинное представление об их природе, тогда избежишь ты суеверия, которое является злом не меньшим, чем безбожие.

* Гермеса отождествляли с собакоголовой обезьяной Тотом (общая причастность к мудрости) и с шакалом Анубисом (общая связь с преисподним миром).

Resp. 375e.

* Имя Оха носили Дарий II (423–404 гг. до н. э.) и Артаксеркс III (359–338 гг. до н. э.). В убийстве Аписа обвиняли Камбиза и Артаксеркса (Aelian., Var Hist. IV,8; Herod., III, 29).

12.

А вот и сам миф в пересказе по возможности самом кратком, с удалением всего ненужного и лишнего. Говорят, что когда Гелиос узнал о том, что Рея тайно сочеталась с Кроном, он изрек ей проклятие, гласящее, что она не родит ни в какой месяц и ни в какой год.

Но Гермес, влюбленный в богиню, сошелся с нею, а потом, играя с луной в шашки, отыграл семнадцатую часть каждого из ее циклов, сложил из них пять дней и приставил их к тремстам шестидесяти; и до сих пор египтяне называют их «вставленными» и «днями рождения богов»*. Рассказывают, что в первый день родился Осирис, и в момент его рождения некий голос изрек: владыка всего сущего является на свет. Иные же говорят, что некто Памил, черпавший воду в Фивах, услышал из святилища Зевса голос, приказавший ему громко провозгласить, что родился великий царь и благодетель – Осирис; за это якобы он стал воспитателем Осириса, которого ему вручил Крон, и в честь него справляют праздник Памилий, напоминающий фаллические процессии. На второй день родился Аруэрис, которого называют Аполлоном, а некоторые также старшим Гором*. На третий день на свет явился Тифон, но не вовремя и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом. На четвертый день во влаге родилась Исида; на пятый – Нефтида, которую называют Концом и Афродитой, а некоторые – Победой. Миф гласит, что Осирис и Аруэрис произошли от Гелиоса, Исида – от Гермеса, а Тифон и Нефтида – от Крона. Поэтому цари считали третий из вставленных дней несчастливым, не занимались в это время общественными делами и не заботились о себе до ночи. И рассказывают, что Нефтида стала женою Тифона, а Исида и Осирис, полюбив друг друга, соединились во мраке чрева до рождения. Некоторые говорят, что от этого брака и произошел Аруэрис, которого египтяне называют старшим Гором, а эллины – Аполлоном.

* Рея и Крон соответствуют Нут и Гебу (земля и небо), Гелиос – Атому-Ра (солнце) Египетские мифы знают в качестве супруга Нут Геба, но имеются изображения вхождения солнечного диска в тело Пут Тот (Гермес) – изобретатель шашек и лунное божество.

Происхождение имени Памила неизвестно. Возможно, оно появилось в результате искаженного употребления титула жреца, служителя фаллического культа, или же это – древний эпитет Осириса.

* В египетских текстах не различаются старший и младший Гор Аруэрис (Харур) – «великий Гор», Гор царского культа. Возможно, Плутарх спутал значения «великий» и «старший».

Отождествление Гора и Аполлона произошло из-за причастности обоих к солнечному культу.

13.

Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествляли его с Дионисом*. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним, по возвращении же Осириса стал готовить ему западню, втяну» в заговор семьдесят два человека и имея сообщницей эфиопскую царицу по имени Асо*. Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг, прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробован и все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколотив ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким. Говорят, что это случилось в семнадцатый день месяца Афира, когда солнце пересекает созвездие Скорпиона, в двадцать восьмой год царствования Осириса. Иные же утверждают, что это срок его жизни, а не

царствования.

* Diod., I, 17 ел. Цивилизаторская миссия Осириса является заимствованием из дионисийских мифов Древнейший Осирис – олицетворение царской власти и бог мертвых, позднее он превращается в божество зерна и плодородия.

В египетских источниках не упоминается регентство Исиды.

* Трудно объяснимое имя. В мероитских надписях Asi – Исида О союзниках Тифона египетские источники говорят часто, но никогда не называют их число.

13 ноября.

14.

Так как первыми о случившемся узнали и разгласили это событие паны и сатиры, обитавшие в местности у Хеммиса*, то и теперь еще неожиданное смятение и страх толпы называют паникой. Говорят, что Исида, получив весть, тотчас отрезала одну из своих прядей и облачилась в траурное покрывало там, где до сих пор город носит имя Копт. Другие же полагают, что название это означает «утрата», ибо говорят «коптейн» в смысле «утратить». Рассказывают, что она блуждала всюду и никого не пропускала без вопроса; также встретив детей, она спросила их о гробе. Случайно они видели его и назвали устье, через которое друзья Тифона вытолкнули ковчег в море. Поэтому египтяне думают, что дети обладают даром предсказания и чаще всего ищут у них пророчеств, когда они играют в священных местах и болтают, что придется. А когда Исида узнала, что любящий Осирис по ошибке сочелся с ее сестрой как с ней самой, и увидела доказательство этого в венке из лотоса, который он оставил у Нефтиды, то она стала искать дитя, ибо Нефтида, родив, тотчас удалила его из страха перед Тифоном; ребенок был найден с большим трудом и с помощью собак, которые вели Исиду; она вскормила его, и он, названный Анубисом, стал ее защитником и спутником, и говорят, что он сторожит богов как собаки – людей.

И потом, как рассказывают, она узнала о саркофаге, что море пригнало его к берегу Библа* и прибой осторожно вынес его в заросли вереска. А вереск, в малое время выросши в огромный и прекрасный ствол, объял и охватил его, и укрыл в себе.

* Паны и сатиры попали сюда из дионисийских мифов. См. Diod., I, 18

ᾠρῆναι; ᾠρῆναι; ᾠρῆναι; ᾠρῆναι; ᾠρῆναι; – отрезать, причитать Отрезанная прядь волос – черта греческого траурного обряда.

* Apollod., Bibl. II, 1, 3. История Исиды в Библи полна деталей, встречающихся в гомеровском гимне Деметре. См. Нупн. Dem. V.

Вереск – кустарник, но есть сорт древовидного вереска.

15.

Царь удивился размерам растения и, срубив сердцевину, содержащую невидимый взору гроб, поставил ствол как подпорку для крыши. Говорят, что Исида, узнав об этом от божественного духа молвы, явилась в Библи, села у источника, смиренная и заплаканная, и не говорила ни с кем, но только приветствовала служанок царицы, ласкала их, заплетала им косы и навевала от себя на их тело удивительный аромат. Лишь только царица увидела служанок, как в ней возникло влечение к незнакомке, волосам и телу, источающему благовоние. За Исидой послали, а когда она прижилась, ее сделали кормилицей царского сына, и говорят, что имя того царя было Малькандр, а царицу одни называют Астартой, другие – Саосис, а третьи – Неманус; эллины же называли бы ее Атенаидой*.

* Малькандр соответствует финикийскому Мелькарту, Астарта – не только богиня, но и мифическая правительница Финикии – Остальные имена не поддаются объяснению.

16.

Предание гласит, что Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью выжигала огнем смертную оболочку его тела; сама же, превращаясь в ласточку, с жалобным криком вилась вокруг колонны – и так до тех пор, пока царица не подстерегла ее и не закричала при виде ребенка в огне, лишив его тем самым бессмертия. Тогда избалованная богиня выпросила столп из-под кровли; легко освободив его, она расщепила вереск, а потом, закутав его в полотно и умастив миром, вручила царю и царице; и теперь еще жители Библи почитают дерево, положенное в святилище Исиды*. И рассказывают, что она пала на гроб и возопила так, что младший сын царя тут же умер, а старшего она якобы забрала с собой и, поместив гроб на судно, отплыла. Но так как река Федр перед зарей выпестовала в себе бурный ветер, она разгневалась и иссушила русло.

В храме Астарты в Библи совершались обряды в честь Адониса, включавшие в себя поклонение обелиску.

17.

И вот в первом же пустынном месте, оставшись наедине с собой, она открыла саркофаг и, припав лицом к лицу, стала целовать и плакать. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не вынес потрясения и умер.

Другие рассказывают не так, но говорят, что ребенок, как я об этом упоминал раньше*, упал в море и что в честь богини ему оказывают почести: якобы он – тот самый Манерос, которого египтяне воспевают на пирах. А некоторые утверждают, что мальчика звали Палестин или Пелузий и что он дал имя городу, основанному богиней. Они заявляют, что Манерос, упоминаемый в песнях, первым изобрел музыку. Третьи говорят, что это не чье-то имя, но выражение, употребляемое в кругу пьющих и пирующих людей: да будет все это к счастью! И якобы когда египтяне хотят сказать что-либо похожее, они всякий раз восклицают: Манерос! Так что, несомненно, фигурка покойника в ковчежце, которую им показывают, обнося по кругу, служит не напоминанием о смерти Осириса, как полагают некоторые, но, пуская несколько раз неприятного сотрапезника, убеждают самих зрителей пользоваться и наслаждаться настоящим, потому что все скоро станут такими же.

* Гл. 8?

Согласно Геродоту (II, 79), Манерос – безвременно умерший сын первого египетского царя.

18.

И рассказывают, что потом, когда Исида ушла в Бут к сыну Гору, который там воспитывался, и поместила фоб вдали от дороги, Тифон, охотясь при луне, наткнулся на него и, узнав тело, растерзал его на четырнадцать частей и рассеял их. Когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх или, клянусь Зевсом, почтение перед богиней. И потому якобы в Египте называют много гробниц Осириса, что Исида, отыскивая, хоронила каждый его член. Иные

же отрицают это и говорят, что она изготовила статуи и дала их каждому городу вместо тела Осириса для того, чтобы Тифону, если бы он победил Гору и стал отыскивать истинную гробницу, пришлось отказаться от этого, так как ему называли бы и показывали много могил.

Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой. Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества.

19.

Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло, – снова спросил, какое животное кажется ему самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора «конь»*, он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага. Услышав это, Осирис обрадовался, ибо Гор был совсем готов для борьбы. И рассказывают, что в то время как непрерывно многие переходили на сторону Гора, явилась к нему и наложница Тифона Туэрис и что змею, которая ее преследовала, убили друзья Гора; и до сих пор в память этого бросают веревку и перерубают ее посередине*. Что касается сражения, то оно будто бы продолжалось много дней, и победил Гор. Исида же, получив скованного Тифона, не казнила его, но развязала и отпустила. У Гора не хватило терпения снести это: он поднял на мать руку и сорвал с головы ее царский венец. Но Гермес увенчал ее рогатым шлемом.

Затем Тифон предъявил Гору обвинение в незаконорожденности, но при защите Гермеса Гор был признан богами законным сыном, а Тифон потерпел поражение еще в двух битвах Осирис же сочетался с Исидой после смерти, и она произвела на свет Гарпократа, родившегося преждевременно и имевшего слабые ноги*.

* Разночтение: волк. См. Loeb, p. 46.

Ни один народ не применял льва в качестве боевого животного. Видимо, Плутарха ввели в заблуждение изображения фараона в виде льва: лев – символ царя в бою.

* Туэрис – богиня-гиппопотам Tawert. Самки считались благими существами в отличие от самцов – животных Сета.

В египетском мифе Гор обезглавливает мать, после чего Тот приделывает Исиде коровью голову Греки иногда отождествили Исиду с Ио.

* В египетских источниках Гарпократ – это Гор-ребенок.

20.

Таково примерно главное содержание мифа, если опустить предосудительные истории, например, рассказ о растерзанном Горе и обезглавленной Исиде*. Когда такое говорят и так учат о природе вечной и бессмертной, в которой более всего познается божество, как будто воистину такое случалось и происходило, тогда, как говорит Эсхил, «надо плюнуть и очистить рот». Но об этом тебе нисколько не стоит напоминать. И сама ты негодуешь на тех, кто придерживается такого незаконного и варварского учения о богах. Но ты также знаешь, что не совсем похоже все это на убогие рассказы и пустые фантазии поэтов и логографов, которые, как пауки, сплетают и тянут порожденную из себя произвольную основу, но что есть здесь отголоски рассказов и преданий о бывших событиях. И как математики говорят, что радуга – это отражение солнца, расцвеченное преломлением взгляда в облаке, так и миф у нас – изображение некоего понятия, переводящего мысль на другое; на это намекают обряды, содержащие траур и тем выражающие скорбь, а

также устройство храмов, частью выходящих в боковые галереи и светлые, открытые коридоры, а частью имеющие под землей тайные темные ризницы, подобные пещерам и ризницам фиванских храмов. Не менее сложно и учение о гробницах Осириса, тело которого, по преданию, покоится во многих местах. Говорят, что Диохетисом называется тот единственный городок, который владеет настоящим телом; но и в Абидосе чаще всего хоронят богатых и могущественных египтян, потому что они якобы ищут чести лежать в одной земле с телом Осириса. А в Мемфисе выкармливают Аписа, который представляет собой образ его души; там же будто бы покоится и тело. А название города одни толкуют как «пристанище добра», другие по-своему: «гробница Осириса».

Говорят еще, что около Фил* есть островок, во всякое иное время нетревожимый и запретный для каждого: и не залетают на него птицы, и не приближается к нему рыба; но в определенный срок жрецы переправляются на него, приносят заупокойные жертвы и украшают венками надгробие, осененное деревом мефиды, которое превосходит размерами любую оливу.

* Есть предание о том, как Исида отрезала Гору руки. Причина расправы неизвестна, но она может быть соотнесена с рассказом о насилии Гора над матерью. В число опущенных Плутархом предосудительных историй входит и известие о любовных домогательствах Сета по отношению к Гору.

Strabo, XVII, 1, 28.

* Diod., I, 22.

21.

Но хотя в Египте и называют много гробниц Осириса, Эвдокс утверждает, что тело покоится в Бусириде, потому что этот город был родиной Осириса: ведь не нуждается в объяснении слово Тафосирид – само это имя заключает в себе название гробницы Осириса. А об обрядах рассечения дерева, разрывания льна и заупокойного возлияния я умалчиваю, потому что к ним примешано много сокровенного. И не только об этих богах, но также обо всех других, не входящих в число нерожденных и бессмертных, жрецы рассказывают, что у них хранятся набальзамированные тела, за которыми ухаживают, а души богов сияют в небе звездами, и что созвездие Исиды, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом, созвездие Гора – Орионом, Тифона – Медведем*. Еще рассказывают, что все египтяне приносят предписанные продукты для гробниц почитаемых животных и ничего не дают одни фиванцы, ибо они не чтут никакого подверженного смерти бога, но только того, кого они называют Кнеф, – несотворенного и бессмертного.

* Обычно астральные сферы богов распределялись следующим образом Ра – солнце, Гор – небо (луна и солнце – его очи), Осирис – Орион, Сет – Большая Медведица.

Кнеф – имя древнего фиванского бога-змея, чей культ слился с культом Амона.

22.

Так рассказывают и так представляют дело многие, но есть и такие, которые полагают, что все это – воспоминания о великих и удивительных делах и страданиях царей и тиранов, которые за выдающуюся доблесть или могущество приписали себе славу божественного имени и которые затем претерпели от судьбы. Эти люди используют малейшее отступление от рассказа, чтобы благоразумно перенести дурную славу с богов на людей; при этом им помогают сами предания, ибо египтяне рассказывают, что Гермес был короткоруким, Тифон – красным, Гор – белым, а Осирис – темнокожим, как если бы природа их была человеческой*. К тому же Осириса именуют полководцем, а Канопу – кормчим, того самого, который, по их словам, дал имя звезде. Судно же, которое эллины называют Арго и которое является образом корабля Осириса*,

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
якобы почетно помещено среди звезд и не далеко отстоит от созвездий Ориона и Пса, почему египтяне и считают, что первое посвящено Гору, а второе – Исиде.

* Согласно египетскому мифу, Тот вмешался в борьбу Сета и Гора на стороне последнего, и Сет оторвал ему руку, которая затем возродатась вновь. Черный цвет – цвет плодородной земли, белый – Верхнего Египта, красный – Нижнего Египта и пустыни.

Каноп – кормчий Менелая, погибший в Египте.

* Некоторые исследователи предполагают египетское происхождение названия созвездия Арго, так как представление о небесных судах характерно именно для египтян, а не греков.

23.

Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид)*, но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов: ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота чудовищу безбожия и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мес-сены*, который, сам составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Панхоте; а письмена эти, как и должно, не находили ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало.

* Bergk, III, fr. 193.

Дословно: лъву безбожия. Возможно, здесь намек на имя собственное Некий Леон из Пеллы, современник Александра Македонского, написал исследование о египетских богах в духе Эвгемера.

* Жил в Македонии, при дворе Кассандра.

24.

Ведь прославляют в Ассирии великие дела Семирамиды, а в Египте – Сезостриса; а у фригийцев до сих пор блистательные и удивительные деяния называют «ма-ника», потому что у них в древности в числе царей был некий Манес, муж благородный и могущественный, коего некоторые называют Масдесом*. Победителями и почти до края света провел персов Кир, македонян – Александр, однако они стяжали имя и память добрых царей. Если же некоторые, вознесшись в кичливости и, как говорит Платон, разжигая в гордыне душу юным жаром и неразумием, приняли имена богов и настроили храмы, то слава их процветала короткое время, а затем они, стяжав себе своим кощунством и беззаконием суетную хвалу, «недолговечные, подобные дыму, поднимаются и исчезают»* и теперь, как преступные наглецы, изгоняются из храмов и от алтарей и ничего не имеют, кроме могил и памятников. Поэтому Антигон Старший, когда некий Гер-модот провозгласил его в стихах сыном солнца и богом, сказал: «а раб, выносящий за мной горшки, так обо мне не думает». И справедливо скульптор Лисипп порицал художника Апеллеса за то, что тот, создавая портрет Александра, дал ему в руки молнию, тогда как сам Лисипп – копье, славу которого, как вещи настоящей и принадлежавшей Александру, не уничтожит никакое время.

* Сезострис – обобщенный образ Сенусертов Среднего Царства. Манес –

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
мифический царь лидийцев (по Плутарху – фригийцев). *herod.*, I 94; IV 45.

Неточная цитата из Legg. 716a.

* Цитата из Эмпедокла (490–430 гг до н. э.).

25*.

Однако лучше всего суждение тех, кто пишет, что история о Тифоне, Осирисе и Исиде касаются страданий не богов или людей, но великих демонов, о которых Платон, Пифагор*, Ксенократ и Хрисипп*, следуя древним толкователям божественного, рассказывают, что они были сильнее людей и мощью намного превосходили нашу природу, но не обладали божественным естеством в чистом и беспримесном виде; напротив, так как их естество причастно к природе души и ощущениям тела и воспринимает наслаждение и боль, то их тревожат все несчастия, происходящие при таких переходах, – одних больше, других меньше. Так же у демонов, как и у людей, существует различие между добродетелью и пороком. Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона, и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Диониса*, и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь. То же можно сказать и о том, что скрыто в священных мистериях и обрядах и сохраняется от глаз и ушей толпы.

* Демонология этой главы имеет явно греческое происхождение. Создателем развитой демонологии считается Ксенократ, ученик Платона и глава Академии с 319 по 314 г. до н. э. Большое внимание уделяли учению о демонах стоики. Была создана иерархия: боги – демоны – герои – люди.

Symp 202 e.

* *Diog Laert.* VIII, 32

Ксенократ из Халкедона (399–314 гг. до н. э.).

* Третий глава стоической школы (около 280–207 гг. до н. э.).

Оскопление Урана.

* Имеется ряд разночтений: φυγαι – бегство (Ном., II. VI, 135), φθοροι – (история с Пенфеем?), φθογγοι – стенания, φθονοι – ненависть. См. Loeb, p. 154.

26.

Читали мы и у Гомера, как благородных людей он всякий раз именуется по-разному: и «богоподобными», и «богоравными», и «умудренными богами», а сравнение с демонами употребляет равно и для людей достойных, и для дурных:

«Ближе подойди, подобный демону: зачем наводишь ты такой страх на аргивян?»*

И опять:

«Но в четвертый он раз еще полетевши, как демон...»

А также:

«Демон! Старец Приам и Приамовы чада какое зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь Град Илион истребить, благолепную смертных обитель»*

Таким образом, природа и естество демонов разнородны и неодинаковы. Поэтому Платон правую сторону и нечетные числа относит к олимпийским богам, а все противоположное – к демонам. Ксенократ же полагает, что несчастливые дни и

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
те печальные празднества, которые предписывают бичевание, плач, пост, поношения и сквернословие, не устраиваются ни в честь богов, ни в честь добрых демонов, но что есть в окружающем пространстве огромные и злобные, своенравные и мрачные существа, которые радуются таким вещам и, получив их, не вмешиваются ни во что. А Гесиод* добрых и благородных демонов величает «священными», «защитой людей», и «приносящими богатство», и «имеющими царские почести». Платон же называет этот род пророками и посредниками между богами и людьми и говорит, что они относят на небо молитвы и просьбы людей, а оттуда вниз приносят пророчества и благие дары.

Эмпедокл* говорит, что демоны претерпевают наказания, если они провинились или ошиблись:

«Ярость эфира гонит их в море.

Море изрыгает на твердь,

Земля – в жар неугасимого солнца.

А оно – в эфирный вихрь.

Один принимает от другого.

Но всех ненавидят»

– и так до тех пор, пока, претерпев наказание и очистившись, они не занимают место и строй в соответствии со своей природой.

* II. XIII, 810.

II. V, 438; XVI, 705; XX, 447 Здесь и далее – пер. Н. И. Гнедича.

* II. IV, 31.

Legg. 717b.

* Opp., 122, 126.

Symp 202e.

* Vors. I, № 21, В 115.

27.

Такие и подобные им истории рассказывают и о Тифоне: как из зависти и ненависти он совершил ужасные дела и, приведя в расстройство все на свете, наполнил злом всю землю и море* и потом понес наказание. А мстительница, сестра и жена Осириса, обуздав и уничтожив бешенство и ярость Тифона, не пренебрегла борьбой и битвами, которые выпали ей на долю, не предала забвению и умолчанию свои скитания и многие деяния мудрости и мужества, но присовокупила к священнейшим мистериям образы, аллегории и памятные знаки перенесенных ею некогда страданий и посвятила их в качестве примера благочестия и одновременно ради утешения мужчинам и женщинам, которые претерпевают подобные же несчастья. И она, и Осирис за доблесть из добрых демонов были превращены в богов, как позже Геракл и Дионис, и не без основания принимают они почести, равно причитающиеся богам и демонам, и имеют власть повсюду, но больше всего – над землей и под землей.

* В египетской мифологии Сет далеко не был воплощением мирового зла; главные его роли – божество мрака, бури и пустыни (зноя).

28.

Говорят, что Сарапис – не кто иной, как Плутон, а Исида – Персефона*, так утверждает Архемах с Евбеи, понтиец же Гераклид* считает, что оракул в Канопе принадлежит Плутону.

А Птолемию Сотеру приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию. Ничего не ведая о нем и раздумывая, где бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотелия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то товарищи эксегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это – изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемию же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не оттуда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона – Сарапис. И, конечно, изречение философа Гераклита*: «одно и то же Гадес и Дионис, для которого безумствуют и празднуют Линеи» – склоняет к такому же мнению. А те, кто полагает, что Гадесом называется тело, ибо душа в нем как бы пьяна и безумна, – те прибегают к жалким аллегориям. Правильнее Осириса отождествлять с Дионисом, а Сараписа – с тем Осирисом, который получил это имя, когда переменил естество. Поэтому Сарапис сопричастен всем людям, как то известно об Осирисе тому, кто связан с храмовым служением.

* Исида отождествлена с Персефой как жена Осириса-Плутона.

III в. до н. э.

* Ученик Платона, автор нескольких исторических сочинений.

Птолемию Сотеру (305–283 гг. до н. э.) приписывают учреждение государственного культа Сараписа. Не ясно, почему Сарапис оказывается связанным с черноморской Синопой. Следует учесть, что *sinopion* – эпитет Мемфиса. Тас, *Hist.* IV, 83.

* Гераклит Эфесский, около 530–470 гг. до н. э. *Vors.* I № 12 в 15.

29.

С другой стороны, не стоит обращать внимания на сочинения фригийцев, в которых говорится, что Сарапис был сыном Харопы, дочери Геракла, а Тифон – сыном Эака и внуком Геракла*. Достоин презрения и Филарх, писавший, будто Дионис первым привел из Индии в Египет двух быков, и одного из них имя было Апис, а другого – Осирис. Сарапис же якобы – имя того, кто все упорядочивает, происходящее от «сайрейн» – слова, которое иные толкуют как «украшать» и «упорядочивать». Все что у Филарха – бессмыслица, но еще большая бессмыслица у тех, кто говорит, что Сарапис не бог, а названный этим именем саркофаг Аписа, и что есть в Мемфисе некие медные ворота, называемые вратами Забвения и Плача*. Они открываются всякий раз, как хоронят Аписа, издавая при этом тягостный и резкий звук. Поэтому якобы, когда звучит любая медная вещь, нас охватывает волнение. Умереннее те, кто утверждает, что имя происходит от «сэбестай» и «сустай» и так или иначе обозначает движение всего сущего. Большинство же жрецов говорят, будто Апис и Осирис – одно, поучая и наставляя нас, что надо считать Аписа воплощенным образом души Осириса. Я со своей стороны полагаю, что если имя Сарапис – египетское, то оно означает «радость» и «веселье», и основываюсь на том, что веселые праздники египтяне называют сайрами. А Платон говорит, что Гадес получил свое имя как бог благодетельный и радушный по отношению к тем, кто к нему попадает.

К тому же, у египтян есть много и других имен, которые являются названиями; так, подземный мир, в который, по их мнению, души отправляются после смерти, они называют Амент, а имя это означает: «берущий и дающий»*. Позднее мы рассмотрим, не одно ли это из имен, произошедших и перенесенных из Эллады; теперь же перейдем к следующим частям занимающего нас учения.

* Разночтение. Сарапис был сыном Геракла, Исида – его дочерью, а Тифон – сыном Алкея сына Геракла. Loeb, p. 70.

Историк III в. до н э.

* Diod., I 96; Paus., I 18, 4.

CratyI 404b.

* Амент – эпитет, означающий «владыка Запада»

см. гл. 60.

30.

Итак, Осирис и Исида превратились в богов из добрых демонов, а силу Тифона, сломленную и ослабленную, но еще бунтующую в агонии, унимают и усмиряют всевозможными жертвами. И, напротив, в определенное время, в праздники, египтяне, глумясь, унижают и оскорбляют рыжих людей, а жители Копта, например, валят с ног осла, потому что Тифон был рыжий и это – ослиный цвет. Бусириты же и ликополиты совсем не пользуются трубой, потому что она ревет как осел. И вообще считается, что из-за сходства с Тифоном осел – животное нечистое и колдовское, и египтяне, приготавливая в месяцы Пауни и Фаофи к празднику жертвенные лепешки, вылепляют на них изображение связанного осла*. А при совершении обрядов в честь солнца они предписывают священнодействующим не носить на теле золотых вещей и не давать корма ослу. Совершенно очевидно, что и пифагорейцы считают Тифона демонической силой; они говорят, что его рождение соотносится с числом такого рода – пятьюдесятью шестью. Опять-таки Эвдокс пишет, что треугольник соответствует Гадесу, Дионису и Аресу, четырехугольник – Рее, Афродите, Деметре и Гере, двенадцатиугольник – Зевсу, а пятидесятишестиугольник – Тифону.

Египтяне, считая, что Тифон был красным, приносят также в жертву рыжих быков, при этом осмотр они производят так тщательно, что, если попадетсся хоть один белый или черный волос, они считают животное негодным:

* Сетовы животные: крокодил, гиппопотам, кабан, осел. В греческих папирусах Сет часто изображался в виде человека с ослиной головой.

Diod., I, 88; Herod., II, 38.

31.

Правильно отобранная жертва должна быть не любимой богами, но ненавистной им, поскольку она приняла в себя души нечестивых и неправедных людей, переселившиеся в другие тела*. Поэтому египтяне призывали на голову жертвы проклятия и, заколов ее, раньше бросали в реку, а теперь отдают чужеземцам. На предназначенного в жертву быка ставят клеймо жрецы, именуемые сфрагистами, причем печать, как свидетельствует Кастор*, имеет резное изображение человека, опустившегося на колени; руки у него связаны за спиной и к горлу приставлен меч. А то, что выпадает, как говорилось выше, на долю осла, это египтяне объясняют сходством его с Тифоном в глупости и упрямстве не меньше, чем сходством в цвете. Поэтому, ненавидя из всех персидских царей более всего Оха, как человека преступного и кровожадного, они назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка», – заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон. Те же, кто рассказывает, что Тифон после сражения семь дней спасался бегством на осле, спасая и стал отцом Иерусалима и Иудея, те совершенно очевидно и явно притягивают к мифу иудейскую традицию.

* В основе этого представления лежит, очевидно, египетский миф о

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
переселении в тела животных Сета и его союзников.

Herod., II, 39.

* Кастор Родосский (I в. до н. э.). автор исследования о Ниле.

Историк IV в. до н. э., автор популярного в свое время труда о персах.

32.

Вот на какие соображения наводят эти рассказы. Но приступим к делу по-иному и обратим сначала внимание на тех, кто, как кажется, говорит нечто более философское. К ним относятся учащие, что, как эллины олицетворяют в Кроне – время*, в Гере – воздух, а в рождении Гефеста – превращение воздуха в огонь, так у египтян Нил – это Осирис, сочетавшийся с землей – Исидой, а Тифон – море, в котором Нил, впадая, исчезает и рассеивается, кроме той части, которую принимает и впитывает земля, становясь через нее плодородной. И есть культовая песнь скорби, исполняемая в честь Нила; в ней оплакивается рожденный в пределах левой стороны и погибший в пределах стороны правой, ибо египтяне считают, что восток – это лицо мира, что на севере – правая сторона, на юге – левая. А так как Нил несет воды с юга и на севере поглощается морем, то справедливо говорят, что рождается он в левой стороне, а гибнет – в правой. Поэтому жрецы гнушаются морем и называют соль пеной Тифона; и среди прочих запретов им предписывается не ставить соль на стол. Также не, разговаривают они с кормчими, потому что те связаны с морем и живут за его счет. Не в последнюю очередь по этой причине презирают они рыбу и ненависть изображают в виде рыбы. Ибо в Саисе, в преддверии храма Афины, высечены: ребенок, старик, затем сокол, потом рыба, позади всех – гиппопотам. Символ этот означал: о, рождающиеся и умирающие, бог ненавидит бесстыдство*; дитя есть символ рождения, старец – смерти, под соколом они разумеют бога, под рыбой, как я сказал, – ненависть из-за ее причастности к морю, под гиппопотамом – бесстыдство, ибо про него рассказывают, будто он, убив отца, насильственно сочетается с матерью. И, как представляется, утверждение пифагорейцев о том, что море – это слеза Крона, намекает на его нечистую и чуждую нам природу, но об этой общеизвестной истории поговорим лучше в другом месте.

* Cic, De Nat. Dcor. II. 25 (64).

См. гл. 40: Гор также отождествлялся с Нилом. Осирис связан со всяким началом плодородия, в том числе с нилом (Хапи) и с зерном (Непер).

* лакуна. Текст изречения вставлен по Clem. Alex.. Strom. V, 41, 4.

33.

Самые мудрые из жрецов не только Нил называют Осирисом, а море – Тифоном, но вообще дают имя Осириса всякому влажному началу и энергии, считая их причиной рождения и субстанцией семени. Тифоном же они именуют все сухое, огненное, отдающее воду и вообще враждебное влаге. Полагая, что тело Тифона было красным и желтым, они не очень охотно встречаются и без удовольствия общаются с людьми, имеющими подобный вид. Об Осирисе, напротив, их предания рассказывают, что он был темный, потому что вода делает темным все, с чем ни смешивается: землю, одежду, облака; и влага, заключенная в телах юношей, порождает темный цвет волос, а седина или как бы бесцветность появляются у стареющих людей из-за сухости. Также весна обильна, плодородна и благотворна, а поздняя осень, лишенная влаги, враждебна растениям и вредна животным. Бык, которого выхаживают в Гелиополе и называют Мневис* (он посвящен Осирису, а некоторые считают его отцом Аписа), – весь черный; и он имеет почести, уступающие только почестям Аписа. А Египет, расположенный на самой черноземной почве, называют, подобно зрачку глаза, Хемия и сравнивают с сердцем, ибо он теплый и влажный и прилегает к южным землям вселенной, окруженный ими, как сердце человека – левой стороной тела.

* Diod., I, 21, Strabo, XVII, I, 22; Aetian, De Nat. Anim XI, 11
Herod. II, 12.

34.

Еще говорят, что солнце и луна пользуются для передвижения не повозкой, но кораблем*, намекая, что их возникновение и насыщение происходят от воды. И есть мнение, что Гомер, как и Фалес, полагал в воде начало рождения всего сущего, узнав об этом у египтян. И думают, что Океан – это Осирис*, а Тифия – это Исида, потому что она выкармливает и возвращает все живое.

К тому же эллины называют выделение семени «апусиа», а совокупление – «синусиа», слово же «сын» (гийос) производят от «гидор» (вода) и «гисай» (идет дождь). И Диониса, как владыку влажной природы, они называют «гиэс» (ниспосылающий дождь); а он – не кто иной, как Осирис. И Гелланик, наверно, слышал, как жрецы называли Осириса Гисирисом, потому что именно так постоянно называет он бога, конечно, ввиду его естества и обряда его обнаружения.

* Clem. Alex., Strom. V, 41, 2.

II. XIV, 201; Фалес милетский – первый греческий философ (конец VII – начало VI в. до н. э.). Vors. I, № 1.

* Океан в отличие от моря – поток пресной воды.

См. гл. 39.

35.

А то, что Осирис и Дионис – одно, кто знает лучше, чем ты, Клея? Так и должно быть: ведь это ты предводительствуешь в Дельфах вдохновенными жрицами, предназначенная отцом и матерью для таинств Осириса. Если же доказательства надо представить ради других, то все сокровенное мы оставим вне повествования, но открытые действия жрецов во время погребения Аписа, когда тело его везут на плоту, нисколько не уступают вакхическому ликованию: ибо они надевают оленьи шкуры, и несут тирсы, и издают крики, и делают движения подобно тем, кто одержим дионисийским экстазом. Поэтому многие эллины делают изображения Диониса в виде быка. А элейские женщины во время молитвы призывают бога «прийти к ним бычьей стопой». У аргивян же Дионис именуется сыном быка; его вызывают из воды звуками труб, бросая в глубину барана для Привратника; а трубы они прячут в тирсах, как рассказывает Сократ в книгах «О священном»*. Также предания о титанах и ночные празднества в честь Диониса соответствуют рассказам о растерзании, воскресении и возрождении Осириса. То же самое и с гробницами. Египтяне, как я рассказывал, показывают могилы Осириса повсюду, а дельфийцы считают, что останки Диониса хранятся у них, позади прорицалища; и «чистые» приносят тайную жертву в святилище Аполлона, когда вдохновенные жрицы пробуждают Ликнита*.

А что греки считают Диониса владыкой и творцом не только вина, но всякой влажной природы, то здесь нам достаточно иметь свидетелем Пиндара, сказавшего:

«Пусть увеличит пищу деревьев радостный Дионис, ясный блеск зрелости».

Поэтому тем, кто почитает Осириса, запрещено рубить садовое дерево и засыпать водные источники.

* Сократ Аргивянин, III или II в. до н. э.

Жрецы в Дельфах.

* Λικνον – корзина с первинами, подносившаяся Дионису, но также плетенная колыбель Диониса-Загрея, растерзанного, согласно орфическому мифу, титанами. По одному из вариантов мифа Зевс отдал останки Загрея Аполлону и тот похоронил их в Дельфах.

Bergk. I, fr. 153.

36.

Не только Нил, но и вообще всякую влагу называют истечением Осириса; и в честь бога впереди священной процессии всегда несут сосуд с водой. С помощью знака тростника египтяне изображают царя и южные пределы мира, а тростник символизирует увлажнение и оплодотворение всего сущего и по природе кажется похожим на детородный член. Справляя Памилии, празднество, как я говорил, фаллическое, они выставляют впереди и носят всюду статую, фалл которой увеличен в три раза*, ибо бог есть начало, а всякое начало благодаря плодovitости увеличивает то, что из него исходит; мы же привыкли вместо «много» говорить «три», как, например, «трижды счастливый» и «сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил», если только, клянусь Зевсом, число три не выражало у древних своего подлинного смысла: ведь влажная природа, будучи началом и вместилищем рождения, первыми породила из себя три тела – землю, воздух и огонь. И вошедшее в миф предание о том, как Тифон бросил фалл Осириса в реку и как Исида его не нашла, но, изготовив и сотворив похожее изображение, повелела чтить его и носить в фаллических процессиях, предание это попало сюда потому, что оно учит, что творческая и производительная сила бога с самого начала включала в себя влажную материю и через влагу соединялась с тем, что создано для участия в порождении.

Есть еще у египтян предание о том, как Апопис*, брат Гелиоса, вступил в войну с Зевсом и как Осириса, который стал его союзником и вместе с ним победно закончил войну, Зевс усыновил назвав его Дионисом. Можно указать на то, что сказочное в этом предании связано с истиной, касающейся природы. Ибо Зевсом египтяне называют ветер, которому враждебно все сухое и огненное, и это – не солнце, но нечто родственное солнцу. Влага же, уничтожая избыток сухости, возвращает и усиливает испарения, через которые ветер насыщается и крепнет.

* Herod, II, 48. Фаллический элемент никогда не был чужд культу Осириса, но большое значение приобрел только с эпохи эллинизма под влиянием культа Диониса.

Hom., Od. V, 306; VI. 154; VIII, 340.

* Апопис – змей, божество тьмы.

Diod. I, 12

37.

К тому же эллины посвящают Дионису плющ, а у египтян, по слухам, он называется хепосирис, и это имя, как говорят, означает «побег Осириса». Далее, Аристон*, написавший «Афинскую колонизацию», наткнулся на письмо некоего Алексарха, в котором рассказывается, что Дионис был сыном Зевса и Исиды и что у египтян он именовался не Осирисом, но Арсафом (через букву «а»), каковое имя переводится как «мужество». То же утверждает и Гермей в первой книге сочинения «О египтянах»: он заявляет, что «Осирис» можно толковать как «могучий». Я не говорю уже о Мнасии*, который отождествляет Диониса, Осириса и Сараписа с Эпафом. Не говорю и об Антиклидесе, утверждающем, что Исида – дочь Прометея и что она была женой Диониса. Те особые праздники и обряды, о которых я рассказал, содержат более очевидную истину, чем слова свидетелей.

* философ-перипатетик, современник Страбона. Помимо упомянутого сочинения написал исследование о Ниле.

Не ясно, какой Гермей имеется в виду. Скорее всего уроженец Гермополя (II в до н. э.).

* Уроженец ликийской Патары, ученик Эратосфена, автор ряда сочинений на антикварно-географические темы.

Афинский историк эпохи диадохов.

38.

Самую яркую звезду египтяне называют Исидой, потому что она вызывает разлив. Они также почитают льва и украшают львиными пастями двери храмов, потому что Нил выходит из берегов, «когда впервые солнце встречается со львом»*. И как Нил они называют истечением Осириса, так землю принимают за тело Исиды, но не всю, а только ту, к которой поднимается Нил, сочетающийся с ней и оплодотворяющий ее. Через это соитие они порождают Гора. А Гор – это соразмерное смешение воздуха и весна, которая хранит и питает все окружающее; и говорят, что Гор был вскормлен Латоной в болотах, окружающих Бут: ведь увлажненная и мокрая земля поднимает испарения, уничтожающие и ослабляющие бесплодие и сухость. Запредельные же окраины земли, которые граничат с морем, называют Нефтидой. Поэтому Нефтиду зовут концом и говорят, что она – жена Тифона. А когда вздувшийся и разлившийся Нил достигает окраинных пределов, то это называют соитием Осириса и Нефтиды, о котором свидетельствуют возникающие растения; и среди них есть лотос, о котором миф рассказывает, что он, выпавший из венка и оставшийся на месте, стал для Тифона свидетельством оскорбления его брака. Вот почему Исида родила Гора благородно, а Нефтида Анубиса – незаконно. Причем в каталоге царей пишут, что Нефтида, сделавшись женой Тифона, была сначала бесплодной. Если так говорят не о женщине, а о богине, то подразумевают землю, неродящую и бесплодную из-за отсутствия влаги.

* Herapollo, Hierogl. I. 24.

39.

Также злой умысел и тирания Тифона означали преобладание той сухости, которая победила и развеяла влагу, порождающую и питающую Нил. А под его помощью, эфиопской царицей, подразумеваются южные ветры из Эфиопии; ибо когда они побеждают этесии*, которые гонят облака в Эфиопию, и когда не дают изливаться дождям, наполняющим Нил, тогда разгорается преследующий Осириса Тифон и, совсем одолев в это время Нил, который сам по себе смирен из-за скудности и мелко течет между высоких берегов, выталкивает его в море.

По-видимому, так называемое положение Осириса во гроб означает не что иное, как иссыкание и убыль воды. Поэтому говорят, что в месяце Афире Осирис умирает: ведь когда стихают этесии, Нил совсем мелеет и земля обнажается; тогда, с удлинением ночи, густеет тьма, сила света терпит поражение и истощается, а жрецы исполняют мрачные обряды и в знак скорби о богине выставляют позолоченную корову, окутанную черным льняным покровом (они считают корову подобием Исиды и земель); и это продолжается четыре дня подряд, начиная с семнадцатого дня месяца. А причин для траура – четыре: во-первых, убывает и исчезает Нил, во-вторых, северные ветры совсем побеждены, а южные взяли верх, в-третьих, день становится короче ночи; наконец – обнажается земля и исчезает растительность, теряющая в это время листву. На девятнадцатую ночь процессии спускаются к морю; жрецы и столлисты* несут священный ларь, имеющий внутри золотой ковчег, в который они, зачерпнув, наливают пресной воды. И поднимается крик окружающих, что найден Осирис. Затем к воде подносят плодородную землю и, смешав их с дорогими благовониями и фимиамом, лепят месяцевидную фигурку. Они обряжают и украшают ее, показывая, что считают этих богов субстанцией воды и земли.

* Северные ветры (Diod., I, 39; III, 3).

Ноябрь.

* Хранители облачений.

40.

Когда Исиде снова воскресила Осириса и взрастила Гора, который окреп благодаря испарениям, туману и облакам, то Тифон был побежден, но не уничтожен. Так богиня, повелительница земли, не позволила окончательно истребить природу, противоположную влаге, но ослабила и освободила ее, желая, чтобы смешение сохранялось, так как невозможен совершенный порядок в случае угасания и исчезновения огненного начала.

И если даже об этом говорят неподобающим образом, то не следует все же пренебречь рассказом о том, как Тифон некогда захватил удел Осириса: ведь Египет был морем. Поэтому до сих пор в рудниках и горах обнаруживают много раковин; и все источники, и все колодцы (а их множество) имеют воду горькую и соленую, как будто здесь скопились застарелые остатки древнего моря. Но в свой срок Гор победил Тифона, т. е. после обильно выпавших дождей Нил, вытеснив море, возродил и воссоздал долину наносами. Об этом может свидетельствовать наблюдение: мы ведь и теперь видим, как река несет новый ил и движет землю против постепенно отходящего моря, и оно спадает с растущего из-за наносов дна. Остров Фарос, который Гомер знал отстоящим от Египта на расстояние дневного перехода*, теперь является частью страны, и не потому, что он разросся и приблизился к земле, но оттого, что море, лежащее между ними, вытеснено рекой, которая налепляет и возвращает сушу. Но подобные представления имеются и в рассуждениях стоиков о богах; и они говорят, что Дионис – дух творческий и питательный, Геракл – насильственный и разрушительный, Аммон – восприимчивый; что Деметра и Кора – это все, имеющее отношение к земле и плодам, а Посейдон – к морю.

* Hom., Od IV,356; Strabo XII,2, 4; XVII, i,6.

Cic, De Nat Deor I, 15; II, 28; Diog. Laert., VII, 147

41.

Однако, смешивая с природными причинами астрономические, полагают также, что Тифоном называется солнечный мир, а Осирисом – мир лунный*. Говорят, что луна, имея свет животворный и порождающий влагу, благоприятна и для размножения животных, и для цветения растений, а солнце неумеренным и жестоким огнем жжет и иссушает все растущее и цветущее, жаром своим делает необитаемой большую часть земли и часто одерживает победу над луной. Поэтому египтяне всегда называют Тифона «Сет», что значит «повелевающий» и «губящий». Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на солнце, странствует вместе с ним, а Гермес – с луной.

И проявления луны подобны проявлению разума и совершенной мудрости, а действия солнца – ударам, совершаемым насилием и мощью. Стоики также говорят, что солнце поднимается из моря и вскармливается им, а для луны сладостные и нежные испарения посылает вода источников и озер.

* Продукт позднего развития мифа.

Гермес отождествляется с лунным божеством Тотом. Связь Геракла с солнцем обнаруживается в мифе о быках Гериона.

42.

Египетские сказания утверждают, что смерть Осириса наступила в семнадцатый день месяца, когда особенно очевидным становится завершение полнолуния. Поэтому пифагорейцы такой день называют преградой и вообще избегают этого числа. Ибо семнадцать, вторгаясь между шестнадцатью и восемнадцатью – числами, образующими квадрат и прямоугольник, которые из всех плоских фигур одни только имеют периметр, равный занимаемой ими площади, разгораживает и отделяет их друг от друга и разрушает эпогоническое отношение, само делясь на неравные части*. Что касается счета годов, то одни говорят, что Осирис жил, а другие – что он царствовал 28 лет. Ибо таков цикл луны и за столько дней завершает она свой круг. А из дерева, которое срубают на так называемых могилах Осириса, изготавливают серпообразный саркофаг, потому что луна, приближаясь к солнцу, скрывается и превращается в месяц. И четырнадцать частей, на которые был растерзан Осирис, указывают на дни, когда светило умирает от полнолуния до новолуния. День же, в который оно впервые появляется, вынырнув из солнечных лучей и миновав солнце, именуется «бесконечным благом»: ибо благодетелен Осирис, и многое означает его имя, и не в последнюю очередь им обозначают действенную и благотворную силу. Также второе имя Осириса, Омфис, по словам Гермеса, в точном переводе означает «благодетель».

* Классический квадрат представлялся состоящим из 16-ти частей (4x4), прямоугольник – из 18-ти (6x3) Эпогонический – содержащий целое и 1/8-ую его часть ($16+(1/8*16)=18$).

У Элиана встречается священный бык Онуфис De Nat Anim XII, 11.

43.

Полагают, что некоторые указания на периоды луны содержат и разливы Нила. Самый большой из них у Элефантины поднимается на двадцать восемь локтей, а таково число мер и суток каждого месячного цикла; самый мелкий у Мендеса и Ксоиса имеет шесть локтей в честь полумесяца; средний у Мемфиса, когда он правилен, – четырнадцать локтей в знак полнолуния. Также считается, что Апис – одушевленный образ Осириса и что он зачинается, когда животворный свет луны нисходит на ярящуюся корову и пронизывает ее*. Поэтому многие свойства Аписа напоминают особенности луны, и светлые места его кругом покрыты темными пятнами. Далее, в новолуние месяца Фаменота египтяне справляют праздник, который они называют восхождение Осириса на луну и который является началом весны. Помещая, таким образом, энергию Осириса на луну*, они говорят, что Исиды, будучи для него началом женским, пребывает с ним как жена. Поэтому они называют луну матерью мира и считают, что она имеет природу и мужскую, и женскую, что она зачинает и беременеет от солнца, но и в свою очередь испускает в воздух животворные элементы, осеменяя его. Ибо не всегда берет верх разрушительная сила Тифона, часто она бывает побеждена и скована энергией плодотворения, а потом опять освобождается и сражается с Гором. Последний же – это земной порядок, не чуждый всецело ни смерти, ни рождению.

* Aelian.. De Nat. Anim. XI, 10.

Сравнение с лунными пятнами? Исконный египетский Апис носил между рогами солнечный диск. М. А. Коростовцев. Религия древнего Египта, М., 1976. О масти Аписа см. Strabo, XVII, I, 31.

* В рассказе о восхождении Осириса на луну этот бог явно играет роль солнца и мужа, чего не замечает Плутарх.

В египетской мифологии двуполость богов прослеживается слабо и редко, согласно исконным египетским представлениям луна имеет мужской пол.

44.

Некоторые толкуют миф как иносказание о затмениях. Ибо лунное затмение происходит, когда полная луна занимает положение против солнца и из-за этого попадает в тень земли, как по рассказам Осирис – в гроб. Затем в свою очередь луна закрывает и затемняет солнце на тридцатый день месяца, но не губит его совсем, как Исида не губит Тифона. И когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида – это то, что под землей и невидимо, а Исида – то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде собаки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью*. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств. Некоторые же считают, что Анубис – это Крон, потому что он все рождает из себя и зачинает (кюо) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (кюон). Таким образом, почитатели Анубиса имеют некое тайное знание, и в древние времена собака получала величайшие почести; когда же Камбиз убил и выбросил Аписа*, ни одно животное не подошло и не отвело тела, кроме собаки, – и тогда она перестала быть первой и чтимой более всех других животных. Есть и такие, которые называют Тифоном тень земли, в коей, по их мнению, затмевается соскользнувшая в нее луна.

Итак, есть основание сказать, что каждый в отдельности утверждает неправильно, а все вместе – правильно. Ибо ни сухость, ни ветер, ни море, ни мрак, но все, что природа имеет вредного и губительного, можно считать частью Тифона. И не следует искать начало всего сущего в неодушевленных телах, как Демокрит и Эпикур или как стоики – в творце бескачественной материи, едином Разуме и едином Промысле, который все обнимает и властвует над всем. Ибо невозможно, чтобы возникло какое-либо зло там, где бог – причина всего, и добро там, где бог не сотворил ничего.

* Данная здесь интерпретация Икиды, Нефтиды и Анубиса не имеет аналогий. Правда, в некоторых храмах встречаются изображения Анубиса, катящего лунный диск.

Геката принадлежит к олимпийскому сонму в ипостаси Селены, но связь с небесной сферой бога некрополя Анубиса неясна.

* Herod., I, 29; Aelian., De Nat. Anim. X, 28.

Diog. Laert., VII, 134.45.

45.

По Гераклиту*, «в мировой гармонии напряжение чередуется с ослаблением как у лиры и лука», а у Эврипида:

«Не могут существовать отдельно добро и зло, но должно быть некое смешение, чтобы было прекрасно».

И вот почему это древнейшее представление перешло от богословов и законовеев к поэтам и философам, не имея творца своего начала, но обладая твердой и непоколебимой убедительностью и распространяясь не только через рассказ и предание, но также через мистерии и обряды жертвоприношения везде – и у греков, и у варваров: не сама по себе колеблется всеобщность вне разума, закона и управления, не единый Разум правит ею и направляет ее как бы рулем или властными удилами, но так как природа содержит в себе многое, причем в смешении добра и зла, или, как лучше и проще сказать, не имеет в этом мире ничего несмешанного, то не думай, что один хозяин, распределяя явления как питье из двух бочек, жульнически смешивает их для нас; напротив: из двух противоположных начал и от двух враждебных сил, из которых одна ведет нас направо и по верной дороге, а другая поворачивает вспять и уводит в сторону, произошла сложная жизнь и мир, если не весь, то этот, земной и подлунный, неоднородный, пестрый и подверженный всяким переменам. И если ничто не возникает без причины, а добро не могло бы содержать в себе причину зла, то природа должна иметь особое начало и

* Vors. I, № 12, B51.

Nauck, fr 21

46.

Такое мнение большинства мудрейших людей. И одни полагают, что есть два бога, творящих добро и зло и подобных соперничающим ремесленникам, а иные благого называют богом, а другого – демоном, как, например, маг Зороастр, который, как рассказывают, жил за пять тысяч лет до Троянской войны.

Он называет одно божество Горомадзом, другое – Ариманием* и указывает, что из всего чувственного первый более всего подобен свету, а второй – мраку и неведению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником. Зороастр также учил, что первому божеству надо приносить жертвы обетные и благодарственные, а второму – умиловительные и мрачные. Поэтому Гадеса и Тьму призывают они, измельчая в ступе некую траву, называемую омоми; затем, смешав ее с кровью заколотого волка, выносят в место, не знающее солнца, и бросают там: они полагают, что и растения одни принадлежат благому богу, а другие – злому демону. Также из животных собаки, например, птицы и лесные ежи по их мнению – собственность благого божества, а злого – водяные мыши. Поэтому человека, убившего их в большом количестве, они прославляют как счастливец.

* Т е. Ормуздом и Ариманом Diog Laert, Prol. 2.

Diog Laert, Pro). 8. Гадес тождествен Ариману.

47.

Однако и они рассказывают о богах много сказочного, например, следующее: Горомадз, произошедший от чистейшего света, и Ариманий, произошедший от тьмы, ведут друг с другом войну. И Горомадз создал шесть богов: первым – бога Доброй Мысли, вторым – Истины, третьим – Справедливости и остальных – Мудрости, Богатства и Творца благих наслаждений. Ариманий же сотворил равное им число соперников. Затем Горомадз, троекратно увеличившись, удалился от солнца настолько, насколько солнце удалено от земли, и украсил небо звездами. Одну звезду, Сириус, он поместил впереди других как стража и дозорного. Сотворив затем еще двадцать четыре бога, он поместил их в яйцо. Равные им по числу боги, произошедшие от Аримания, проникли в яйцо, вследствие чего добро смешалось со злом. Но грядет назначенное судьбой время, когда Ариманий, вызвавший мор и голод, будет за это по справедливости навсегда уничтожен и исчезнет, земля же станет ровной и гладкой, и будет одна жизнь и одно государство у всех людей, блаженных и говорящих на одном языке.

А Феопомп* со слов магов утверждает, что на три тысячи лет по очереди один бог побеждает, а другой бывает побежден, затем три тысячи лет они бьются и сражаются, и один разрушает творения другого; но в конце концов Гадес исчезнет, и люди\ станут счастливыми, не нуждаясь в пище и не строя навеса. А бог, устроивший все это, отойдет на покой и будет отдыхать некоторый срок, который для него, как для бога, не велик, но умерен, как для спящего человека. Таково содержание легендарных историй магов.

* Феопомп Хиосский (род. ок. 378 г. до н. э.) – ученик Исократа, историк; главные его произведения – «Греческая история» и «История Филиппа».

48.

Халдеи же утверждают, что из планет, которые они называют богами-покровителями, две приносят добро, две – зло и три являются средними, обладая обоими качествами. А мифы эллинов так или иначе известны всем. Благою часть они приписывают Зевсу Олимпийскому, дурную – Гадесу и рассказывают, что Гармония произошла от Афродиты и Ареса. Из них двоих он – суровый и упрямый, она – кроткая и заботливая. Обратим внимание, что с этим согласны и философы. Например, Гераклит* прямо называет войну «отцом, царем и владыкой всего» и говорит, что Гомер, когда он молит: «О, да погибнет вражда от богов и от смертных» – «не замечает, что он проклинает источник всего сущего, ибо источник этот – в борьбе и противоположности»; еще говорит, что «Солнце не переступит положенных пределов, в противном случае его настигнут Лиссы – прислужницы Справедливости»*. Напротив, Эмпедокл называет благое начало «дружбой» и «любовью» и часто «нежной гармонией», дурное же – «пагубным раздором» и «кровавой борьбой».

А пифагорейцы определили принцип добра через многие именованья: единичность, завершенность, постоянство, прямота, нечетность, четырехугольность, равенство, правая сторона, свет; принцип же зла через понятия: двоичность, безграничность, подвижность, кривизна, четность, разносторонность, неравенство, левая сторона, тьма; они считают все это началами, лежащими в основании природы. Анаксагор называет таковыми разум и беспредельное, Аристотель – форму и лишение, а Платон, часто затемняя и скрывая это, именуется одно из противоположных начал тождеством, а другое – различием. Но в «Законах»*, будучи уже более зрелым, он говорит не иносказательно или символически, но в точных выражениях, что мир движет не одна душа, но, может быть, многие и, по крайней мере, не меньше, чем две; из них одна благотворная, а другая – противоположна ей и творит все противоположное. Посередине он оставляет место для третьей природы, не лишеной разума и самостоятельного движения, как полагают некоторые, по связанной с обоими началами, всегда стремящейся к лучшему и тоскующей по нему, и помогающей его, как пояснит наше дальнейшее изложение, в котором учение египтян о богах более всего сближается с этой философией.

* Vors. I, № 12, В53.

и. XVIII, 107.

* Лиссы (Λυσσαι) – одна из многих возможных интерполяций.

Анаксагор (500–428 гг до н. э.): νουζκαι απειρον Аристотель говорил о форме и материи – см. Metaph. VII Платон – см. Tim.

* Legg. 896e.

49.

Итак, сложны исток и строение мира из-за противоположных и при этом не равномошных сил: превосходство остается за лучшей. Но и злое начало не может погибнуть совершенно, так как оно присуще значительной части тела и значительной части души Всеобщего и постоянно ведет упорную борьбу с лучшей силой. Поэтому в природе духовной Осирис, владыка и повелитель всего самого благородного, – это мысль и разум*, а на земле, в ветрах, водах, в небе и на звездах все здоровое, устроенное и упорядоченное сроками, сочетаниями и периодами является истечением и подобием Осириса. Тифон же в пределах души – все бурное, титаническое, неразумное и непостоянное, а в материальной части – смертное, вредоносное, возбуждательное и связанное с неупорядоченными сроками, нарушением пропорций, помрачениями солнца и лунными затмениями; все это – как бы набеги и мятеж Тифона. И об этом свидетельствует имя Сет, которым называют Тифона, ибо оно означает «то, что губит» и «то, что совершает насилие», а также часто – «переворот» и опять-таки – «скачок».

Некоторые говорят, что Бебон был одним из друзей Тифона, а Манефон пишет,

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
что самого Тифона называют Бебоном; значение же этого имени – «задержка» и «помеха», потому что сила Тифона препятствует явлениям, идущим по надлежащему пути и влекущимся к правильной цели.

* Геродот., II, 69; Аелтан.. De Nat. Anim. X, 2; Страбон, XVII, 1

Манефон, египетский первосвященник и писатель времени первых двух Птолемеев, известен прежде всего как автор грекоязычной истории Египта; ему принадлежит также ряд других сочинений; Плутарх, очевидно, пользовался его тактатом «Священные книги».

50.

По этим причинам из домашних животных Тифону посвящают самое грубое – осла, а из диких – самых необузданных – крокодила* и гиппопотама. Про осла мы уже все объяснили. В Гермополе показывают изображение Тифона в виде гиппопотама, на котором верхом сидит сокол, сражающийся со змеей. В образе гиппопотама представляют Тифона, а в образе сокола – могущество и власть, которых Тифон добивается насильем, часто напрасно, сотрясаясь от злобы и сотрясая все вокруг. Поэтому, принося праздничные жертвы в седьмой день месяца Туби, который называют днем исхода Исиды из Финикии, египтяне налепляют на хлебцы изображение связанного гиппопотама. А в Алоллонополе существует обычай, чтобы все без исключения ели крокодилов*.

В один день они ловят их столько, сколько могут, а затем убивают, бросают против святилища и рассказывают, что Тифон ускользнул от Гора, превратившись в крокодила, и что все дурные и вредные животные, растения и явления возникают как деяния, части и движения Тифона.

* Крокодил Себек в египетских мифах – образ противоречивый: в одних он – благодетельная сила, в других роль его отрицательна.

В римскую эпоху широко почиталась «морская» Исида: Isis Pelagia et Pharia.

* Herod., II, 69; Aeltan.. De Nat. Anim. X, 2; Strabo, XVII, 1

51.

Опять-таки Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра, первый из которых означает предвидение, а второй – власть; также Гомер*, называя владыку и царя всего сущего «Зевс повелитель и наставник», через слово «повелитель», как кажется, выражает его могущество, а через «наставник» – благоволение и мудрость. И часто Осириса изображают соколом, ибо тот выдается силой зрения и быстротой полета и по природе таков, что поддерживает себя малым количеством пищи. Рассказывают также, что он, пролетая над непогребенными мертвецами, кидает им на глаза землю. Когда же он спускается к реке напиться, то ставит одно перо торчком; напившись, снова опускает его. Отсюда становится видно, что он избежал крокодила и остался цел; а если бы тот его схватил, то перо осталось бы торчащим, как он его поставил*. И везде показывают человекоподобные изображения Осириса с фаллом, поднятым в знак его производительной и питательной мощи. И статуи его одевают в огненные покровы, потому что считают солнце телом благой энергии и как бы зримым выражением сверхчувственной сущности*. Поэтому достоин презрения тот, кто относит солнечный шар к Тифону, с которым не связано ничего светлого, ничего спасительного, никакого порядка, рождения и движения, обладающего размеренностью и смыслом, но которому присуще все противоположное. И засуху, губящую много животных и растений, надо считать делом не солнца, но ветров и вод, которые несвоевременно смешиваются на земле и в воздухе всякий раз, как владычество силы беспорядочной и необузданной, творя несправедливость, подавляет испарения.

* II. VIII. 22.

Aelian., De Nat. Anim. II, 42; Porphyr., De Abstin. IV, 9, 45.

* Т.е. перо пронзило бы крокодила.

Фаллический элемент в культуре Осириса усилился в эллинистическую эпоху под влиянием культа Диониса.

* Термин *νοῦς*, употребляемый Плутархом здесь и дальше, признан выразить представление о начале, недоступном чувственному ощущению и открывающемся только человеческой мысли. В переводе более всего напрашивается эпитет «идеальный», однако употребление его было бы слишком смелым привлечением позднейшего, вполне развившегося представления об антипode материального мира.

52.

В священных гимнах Осириса жрецы призывают его как укрытого в объятиях солнца, а на тринадцатый день месяца Эпифи, когда луна и солнце оказываются на одной прямой, они празднуют день рождения очей Гора, потому что не только луну, но и солнце считают оком и светом Гора. На восьмой день исхода месяца Фаофи, после осеннего равноденствия, справляют праздник рождения посоха солнца, показывая, что светило как бы нуждается в опоре и поддержке, потому что начинает испытывать недостаток тепла и света, склоняясь и вкось удаляясь от нас. Кроме того, во время зимнего солнцестояния вокруг храма* семь раз обводят корову; обход называется «поисками Осириса», потому что богиня жаждет зимней воды. А идут они столько раз потому, что переход от зимнего солнцестояния к летнему совершается в семь месяцев. И говорят, что Гор, сын Исиды, раньше всех приносит жертвы солнцу, когда наступает четвертый день месяца; так это записано в книге «О дне рождения Гора». И каждый день египтяне воскуряют солнцу трояким образом: камедью на восходе, смирной в полдень и так называемым куфи на закате; какой смысл имеет каждое из этих воскурений, я расскажу позже. Они думают, что с помощью всего этого они возносят к солнцу молитвы и служат ему. Что за нужда, однако, нагромождать во множестве подобные мнения? Дело в том, что есть люди, которые прямо утверждают, что Осирис – это солнце и что эллины называют его Сириус, даже если добавление у египтян артикля делает имя сомнительным. Они же доказывают, что Исида – не что иное, как луна. Поэтому – де изображения ее с рогами являются подобиями лунного серпа, а черные покровы символизируют затмения и затемнения, в которых она, тоскуя по солнцу, следует за ним. Поэтому луну призывают в любовных делах, а Эвдокс говорит, что Исида повелевает любовью. Этим рассказам присуще хоть какое-то правдоподобие, но не стоит даже слушать тех, кто превращает Тифона в солнце. Однако вернемся опять к нашему собственному повествованию.

* Разночтение: храма солнца. Griffiths, стр. 201; Loeb, p. 126.

Diod., I, 11 Сириус здесь – не название звезды, но эпитет солнца, палящее.

53.

Итак, Исида есть женское начало природы, и она вмещает в себя всякое порождение, почему Платон* восхваляет ее как «кормилицу» и как «всеобъемлющую», а большинство – как «многоименную» из-за того, что она принимает всяческие виды и формы, изменяясь по воле разумного начала. Она имеет врожденную любовь к Первому и Самому могущественному, что тождественно добру, и жаждет его, и стремится к нему. А доли зла она избегает и не принимает; являясь для обоих почвой и материалом, она по собственному побуждению склоняется всегда к лучшему, дает ему из себя потомство, позволяет осеменять себя истечением и подобием, и радуется этому, и счастлива, что зачинает и наполняется творениями. В материи же творение является образом сущности, а возникающее – подобием сущего.

* Тім. 49а; 51а; 52ь; 53а. Платон говорит о материнском начале, не называя его Исидой.

54.

Поэтому мифы, не противореча сути, рассказывают, что душа Осириса вечна и бессмертна, что плоть многократно разрывает и прячет Тифон и что Исида, странствуя, отыскивает и снова складывает тело: ибо сущее, сверхчувственное и благое сильнее уничтожения и перемены. Его образы отпечатывает на себе чувственное и телесное начало, принимая от него идеи, формы и подобия, которые, как печать на воске, остаются не навсегда; ими завладевает сила беспорядочная и вносящая расстройство, явившаяся сюда из высших сфер и ведущая войну с Гором, которого Исида родила как чувственное подобие нематериального мира. Поэтому говорят, что он был привлечен Тифоном к суду за незаконнорожденность как тот, который не является чистым и беспримесным подобно отцу, самодовлеющему Разуму, несмешанному и неизменному, но имеет естество, испорченное телесностью. Гор одолевает и побеждает благодаря Гермесу, то есть слову, которое свидетельствует и показывает, что природа творит мир, видоизменяясь через начало сверхчувственное. А рождение Аполлона от Осириса и Исиды, когда эти боги были еще во чреве Реи, есть символ того, что прежде чем мир стал зримым и материя была завершена с помощью разума, природа испытала самое себя и произвела на свет первое несовершенное порождение. Поэтому говорят, что этот бог родился в темноте калеккой и называют его старшим Гором. Он не был миром, но только образом и отражением будущего мира.

55.

Сам же Гор закончен и совершенен; и он не уничтожил Тифона совсем, но лишил его предприимчивости и силы. Поэтому в Копте, как говорят, статуя Гора держит в одной руке фалл Тифона. Также, согласно мифу, Гермес вырвал из Тифона жилы, чтобы использовать их на струны; так они учат, что разум, устраивая Всеобщность, сделал ее гармоничной из негармоничных частей и не уничтожил, но только искалечил разрушительную силу. Поэтому она, в нашем мире вялая и ослабленная, смешивается и соединяется со всякой бурной и изменчивой стихией и является творцом трясений и толчков на земле, засухи и дурных ветров в воздухе, а также громов и молний. Эта сила заражает мором воды и ветры, взбегает вверх до луны и беснуется, часто затемняя и уничтожая ее свет, так что египтяне думают и говорят, что в такой-то момент Тифон ударил Гора в глаз, в такой-то – выбил его и пожрал, а потом – снова отдал солнцу. Под ударом они разумеют ежемесячную убыль луны, а под увечьем – затмение, которое вылечивается солнцем, посылающим свет луне, когда та выходит из земной тени.

56.

Итак, могущественная и божественная природа состоит из трех начал: сверхчувственного, материального и того, что происходит от них и что эллины именуют космосом. Платон обычно называет сверхчувственное идеей, образцом и отцом, а материальное – матерью и кормилицей, а также вместилищем и почвой рождения; то же, что происходит от обоих, – отпрыском и порождением. И, видимо, египтяне сравнивают природу Всеобщности с красивейшим из треугольников, так что Платон в «Государстве»*, кажется, воспользовался им, сочиняя символическое обозначение брака. Этот треугольник имеет катет из трех частей, основание – из четырех и гипотенузу – из пяти, причем сила ее равна силе двух других сторон. Таким образом, катет можно считать мужским началом, основание – женским, а гипотенузу – отпрыском обоих. Также Осириса можно считать началом, Исиду – вместилищем, а Гора – исходом. К тому же «три» является первым нечетным и совершенным числом; «четыре» – это квадрат, стороны которого – четные двойки; «пять» же частью походит на отца, частью – на мать, будучи составлено из тройки и двойки. И Всеобщность (панта) получила имя от пяти (пенте), и вместо «считать» говорят «пятерить». Пять образует из себя числовой квадрат, равный количеству египетских букв и числу лет, прожитых Аписом*. Что касается Гора, то его обычно называют еще Мин, что значит «зримый», ибо космос чувствен и зрим. А Исиду иногда называют Мут, а также Афири и Мефиер. Первое имя у них

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
означает «мать», второе – «земное вместилище Гора», как у Платона – «кормилица» и «почва рождения». Третье имя составлено из «полноты» и «блага»: ибо полна материя мира и связана она с благом, чистым, и упорядоченным.

* Resp. 546b–c.

Квадрат.

* Существовало предание о том, что двадцатипятилетних Аписов топили, однако оно опровергается археологией.

Этимология Мут верна; Афири – греческая транскрипция имени Хатхор; наиболее приемлемое объяснение Мефиер – «великий поток», т. е. небесные воды, олицетворенные в образе коровы – Хатхор, богини изначальной водной стихии.

57.

Может показаться, что подобным же образом и Гесиод, Делая первичными Хаос, Землю, Тартар и Любовь, имеет в виду не другие начала, но эти самые; если же говорить об именах, то, изменив их, мы так или иначе назовем Землю Исидой, Любовь – Осирисом, а Тартар – Тифоном; Хаос же, как представляется, поэт помещает внизу в качестве почвы и пространства Всеобщности. Эти обстоятельства, так или иначе, вызывают в памяти платоновский миф, который в «Пире» Сократ рассказывает о рождении Эрота*. Он повествует, как Пеня, желая ребенка, прилегла к спящему Пору и, зачав от него, родила Эрота, имеющего смешанную и неоднородную природу, потому что он родился от отца благородного, мудрого и во всем независимого, от матери же – беспомощной, бедной, льнущей из-за нужды к другим и кланчащей у них. А Пор – не кто иной, как первый возлюбленный, желанный, совершенный и независимый. Пеней же он назвал материю, не имеющую в самой себе блага, однако наполняющуюся им и всегда стремящуюся к нему, и берущую его долю. Родившийся от них космос, или Гор, не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрестанно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений.

* Symp. 203b

Пор – «богатство», Пеня – «бедность», Эрот – «любовь»

58.

Итак, мифами нужно пользоваться не просто как историями, но следует выбирать из каждого полезное, руководствуясь сходством. Поэтому когда мы говорим о материи, не должно, увлекаясь учениями некоторых философов*, полагать в ней некое бездушное тело, и бескачественное, и инертное, и бесполезное само по себе. Ведь мы называем елей материей мира, а золото – материей статуи, а они не лишены вовсе качественной определенности.

И самое сознание и душу человека, как сырой материал знания и доблести, мы предоставляем разуму, чтобы он украшал и упорядочивал их. И некоторые доказывают, что ум является вместилищем идей и материей для оттиска сверхчувственного начала*. А другие думают, что и семя женщины не является ни энергией, ни началом, но материей и пищей порождения. И вот как следует судить о богине тем, кто придерживается таких представлений: она постоянно причастна к первому богу и сочетается с ним из любви к красоте и благу, которые его окружают, и не чужда ему, но, как мы говорим, что законный и праведный муж любит по праву и порядочная женщина, имеющая мужа, тем не менее страстно желает его, так и она всегда льнет к нему, и просит у него, и наполняется важнейшими и чистейшими его частями.

* Diog. Laert, VII, 134: имеются в виду стоики

Миро – благовонное масло; не следует путать его с миррой (или смирной) – ароматической смолой.

* Arist.. De Anima, 429a 20 слл.

59.

И полагают, что когда Тифон совершает вторжение и достигает крайних пределов, то она впадает в уныние, и говорят, что она поднимает плач, разыскивает и одевает останки и клочья Осириса, а поврежденные части принимает в себя и скрывает их, чтобы снова явить и испустить из себя как порождения. Таким образом, мысли, образы и истечения бога, пребывающие на небе и звездах, остаются неизменными, а то, что рассеяно в изменчивой природе – в земле, море, животных и растениях, то, что растерзано, погублено и похоронено, – часто вновь является и сияет в порождении. Поэтому миф гласит, что Нефтида сожительствоует с Тифоном, но что Осирис тайно сошелся с нею. Ведь разрушительная сила владеет преимущественно крайними пределами материи, которые называются Нефтидой, или Концом. А сила плодотворная и охранительная уделяет ей только слабое и хилое семя; его же губит Тифон, кроме того, которое Исиды подбирает, сохраняет, вскармливает и возвращает.

60.

Короче говоря, этот бог* – весьма благой, и так полагают Платон и Аристотель. Плодотворная и охранительная часть природы движется к нему и к бытию, а губительная и разрушительная – от него и к небытию. Поэтому имя «Исида» производят от понятий «разумно двигаться» (иес-тай) и «влечься», ибо она есть одушевленное и осмысленное движение.

Имя это не варварское, но как общее наименование всех богов (теос) происходит от слова «зримый» (театос) и «движущийся» (теон), так и эту богиню мы, подобно египтянам, называем Исидой в честь знания и движения. Поэтому Платон говорит*, что древние выражали понятие сущности (усия), называя ее исия. Так же, по его словам, они толковали мысль (ноэсис) и сознание (фронэсис), которые являются как бы перемещением и движением разума, стремящегося и влекомого; и они усматривали единение, благо и доблесть во всем вечно текущем и влекущемся. Точно таким же образом противоположными именами они порицали зло: все, что сковывает и связывает природу, все, что задерживает и мешает стремлению и движению, они называют пороком (какиа), скудностью (апориа), трусостью (дейлиа), мукой (аниа)*.

* Осирис.

Plato, Crat., 397d.

* Crat, 401c.

Ищет в этих словах корень «ис»

* Ищет в словах 2 корня, один из которых – «иа», «движение» Получается: зло – дурное движение, скудность – недостаток движения, трусость – боязнь движения, мука – отсутствие движения.

61.

Также Осирис имеет имя, составленное из слов «святой» (осиос) и «священный» (иерос)*, ибо он является общим разумным началом сущего в небе и в преисподней; причем у древних был обычай первое называть святым, а второе – священным. А тот, кто изъясняет небесные явления, – Анубис, который является законом вышней сферы, – тот иногда называется Гер-манубисом; одним

именем он связан с тем, что наверху, другим – с тем, что внизу. Поэтому в жертву ему приносят как белого петуха, так и пестрого: считают, что вышнее беспримесно и светло, а дольнее – смешанно и пестро. И не надо удивляться, что эти имена перекраиваются на греческий лад; ибо бесчисленное множество других слов, которые ушли в изгнание вместе с перекочевавшими из Эллады людьми, до сих пор сохраняются и живут как иноземцы среди чужих народов, и тот, кто называет их глоттами, ложно обвиняет поэзию, употребляющую некоторые из них, в варваризме. Еще пишут, что в так называемых Книгах Гермеса о священных именах говорится, что энергию, связанную с вращением солнца, египтяне называют Гором, а эллины – Аполлоном; энергию же, связанную с ветром, одни называют Осирисом, другие – Сараписом, третьи по-египетски – Софис. А Софис означает «беременность» (киэсис) или «быть беременной» (киэйн). Поэтому вследствие ошибки в словах по-гречески Псом (кион) называется то созвездие, которое считают уделом Исиды. Итак, менее всего стоит препираться из-за имен; однако я скорее уступлю египтянам имя Сараписа, чем Осириса, ибо первое из них – чужеземное, второе – греческое, и я считаю, что оба они принадлежат одному богу и одной энергии.

* Выделяет корни «ос» и «ир»

№955; №959; №947; №959; №950; , №954; №959; №953; №957; №959; №950; .

62.

Со всем этим согласуются и представления египтян; ибо часто они называют Исиду именем Афины, которое имеет следующее значение: «я сама пришла», что служит указанием на самопроизвольное движение. Тифон же, как было сказано, именуется Сетом, Бебоном и Сму, и этими именами хотят обозначить некую насильственную и стеснительную помеху, или противоречие, или переворот. Более того, как пишет Манефон, магнит называют костями Гора, а железо – костями Тифона, ибо оно часто как бы увлекается и притягивается магнитом, но часто – бывает отражено и отброшено в противоположную сторону. Точно так же спасительное, благое и разумное движение мира путем убеждения обращает, привлекает и смягчает упрямое движение Тифона, а потом, приблизив к себе, снова отталкивает и топит в беспредельности*. И еще Эвдокс говорит, что египтяне в мифе о Зевсе рассказывают, будто у него были сросшиеся ноги и он не мог ходить и от стыда жил в пустыне; и что Исида, расщепив и разделив эти части его тела, даровала ему легкую походку. Под всем этим миф подразумевает, что мысль или разум бога, сам по себе пребывавший в незримости и безвестности, оказался явленным благодаря движению.

* Разночтение: в скудости (Loeb, p. 148).

63.

Также систра является символом того, что все сущее по необходимости сотрясается и никогда не прекращает круговращения; напротив, все заснувшее и потухшее как бы расталкивается и пробуждается. Рассказывают, что с помощью систров отпугивают и отражают Тифона, и этим дают понять, что в то время как уничтожение связывает и подавляет природу, рождение вновь освобождает и воскрешает ее через движение. К тому же верхняя часть систра кругообразна, и дуга охватывает четыре сотрясаемых предмета; ведь и часть мира, подверженная рождению и смерти, объемлетя лунной сферой и все в ней движется и изменяется через четыре стихии: огонь, землю, воду и воздух. На дуге систра, сверху, высекают кота с человеческим лицом, а внизу, под тем, что сотрясается, в одном месте – лицо Исиды, в другом – лицо Нефтиды*, обозначая ликами рождение и смерть, ведь именно они суть перемещение и движение элементов. А под котом подразумевается луна из-за пестроты, ночных блужданий и плодовитости зверя. Говорят, что он рождает одного детеныша, потом двух, трех, четырех и пятерых; и так он прибавляет по одному до семи, причем всегда рождает двадцать восемь, а таково число лунных суток. Впрочем, это, пожалуй, слишком фантастично. И кажется, что зрачки в глазах кота наполняются и расширяются в полнолуние, а при убыли светила –

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
утончаются и слепнут. Человеческие же черты кота символизируют осмысленное и разумное начало в чередованиях луны.

* На египетских систрах обычно диажды изображалось лицо Хатчор и голова кошачьей богини Бастет.

64.

Короче говоря, неверно считать воду, солнце, землю или небо Осирисом или Исидой; с другой стороны, если мы отнесем к Тифону не огонь, засуху или море, но вообще все неумеренное и неупорядоченное из-за избытка или недостатка, а все налаженное, благое и полезное будем чтить и уважать как дело Исиды и как образ, отражение и мысль Осириса, то мы не ошибемся. Мы также прервем Эвдокса, когда он выражает недоверие и недоумевает, почему Деметру не касаются любовные дела, а Исиду – касаются, и почему Дионис не может ни вызвать разлив Нила, ни править над мертвыми. Ибо путем простого рассуждения я заключаю, что эти боги повелевают всякой долей блага, и все благое и прекрасное в природе возникло благодаря им, причем Осирис дает начала, а Исида принимает и распределяет их.

65.

Точно так же мы выступим и против многочисленных невежд, которым приятно соотносить легенды о столь великих богах или с сезонными переменами климата, или с пахотой, временем сева и рождением плодов. Они говорят, что Осириса хоронят, когда скрывается в землю посеянное зерно, и что он воскресает и является вновь, когда начинается произрастание. Поэтому рассказывают, что Исида, узнав, что зачала, надела амулет с наступлением шестого дня месяца Фаофи и что к зимнему солнцевороту она родила среди ранних цветов и побегов недоношенного и недоразвитого Гарпократа. Поэтому ему приносят начатки взошедшей чечевицы, а день рождения празднуют после весеннего равноденствия. Тот, кто слушает подобные вещи, получает удовольствие и верит, поспешно обретая объяснение в том, что ему доступно и привычно.

66.

И, напротив, нет ничего страшного, если, во-первых, египтяне свято блюдут общих (для всех людей) богов и не делают их своей собственностью, не распространяют их имена только на Нил и на землю, которую Нил орошает, не называют единственным божественным творением болото или лотос и не отнимают великих богов у остальных народов, у которых нет ни Нила, ни Бута, ни Мемфиса. Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала. Во-вторых, что более важно, они очень заботятся и боятся, как бы незаметно не уничтожить и не распылить божественное начало в ветре, реке, семени, жатве, состоянии земли и смене времен года, как делают те, кто отождествляет Диониса с вином, а Гефеста – с огнем. Также Клеанф где-то говорит*, что Персефона – это дуновение, которое поднимается от хлебов и гибнет. А некий поэт написал о жнецах: когда сильные рассекают тело Деметры. Эти люди несколько не отличаются от тех, кто считает парус, якорь и канат – кормчим, нить и челнок – ткачом, а чашу, медвяную смесь или ячменный напиток – врачомателем. Так они порождают ужасное и безбожное учение, перенося имена богов на бесчувственную и бездушную природу и вещи, которые неизбежно разрушаются людьми, имеющими в них нужду и пользующимися ими. Но невозможно представить себе, чтобы подобные явления были богами.

* Клеанф (331–233 гг до н. э.) – глава стоиков после Зенона.

67.

Ибо божество не лишено мысли и души и не подчинено людям. Мы же признали богами тех, кто дарует и доставляет нам в пользование все вечное и долговечное, и мы не различаем разных богов у разных народов, ни варварских и эллинских, ни южных и северных. Но как солнце, луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого, все созидающего Разума, и для единого, всем распоряжающегося Промысла*, и для благотворных, во всем распространенных сил у разных народов существуют разные почести и названия. И небезопасно пользуются священными символами, один – смутными, другие – более ясными, направляя умозрение к божественному. Ибо некоторые, сбиваясь с пути, соскальзывают в суеверие, а другие, избегая суеверия как трясины, опять-таки неожиданно скатываются, как в пропасть, в безбожие.

* Λογοζ,
προνοια.

68.

Поэтому в таких делах нужно прежде всего взять в наставники философское учение и благочестиво рассуждать обо всем сказанном и сделанном. И как Феодор* рассказывает, что слова его, которые он подавал правой рукой, некоторые из слушателей принимали левой, так да не ошибемся и мы, понимая иначе то, что законы прекрасно установили о жертвоприношениях и праздниках. А что все сводимо к разумному, это можно почерпнуть у самих египтян.

В девятнадцатый день первого месяца они устраивают праздник в честь Гермеса, едят мед и фиги и восклицают: «сладка истина». И амулет Исиды, который, согласно мифу, она надела на себя, толкуют как «правдивый голос». Также Гарпократа следует считать не уродливым богом-ребенком и не каким-нибудь божеством бобов, но защитником и выразителем раннего, несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах. А в месяц Месоре ему приносят бобы и говорят: «язык – счастье, язык – божество». Рассказывают, что из всех египетских растений богине чаще всего жертвуют персею, потому что плод ее похож на сердце, а лист – на язык. И из всего, чем владеет человек от рождения, нет ничего божественнее слова, особенно – слова о богах, и ничто не имеет большего значения для счастья. Поэтому приходящему сюда к оракулу* мы советуем мыслить благочестиво и говорить пристойно. Но смешно поступает большинство людей, которые в процессиях и на праздниках провозглашают устами глашатая благоречие, а потом дурно говорят и думают о самих богах.

* Родился ок. 340 г. до н. э., ученик и последователь основателя киренской школы Аристиппа. Ряд его этических и атеистических высказываний закрепили за ним репутацию плюралиста.

Или: голос – истина. Эту формулу произносил в загробном суде Осирис, оправдывая душу. Очевидно, Плутарх толкует амулет Исиды как символ оправдательного голоса, дарованного этой богине вслед за супругом.

* По-видимому, речь идет о Дельфийском святилище.

69.

Но как же следует относиться к мрачным, безрадостным и скорбным празднествам и жертвам, если не подобает ни пренебрегать установлениями, ни смешивать изапутывать учение о богах нелепыми подозрениями? И у греков почти в то же самое время совершается многое, подобное тому, что делают египтяне во время священнослужений*.

Так, в Афинах женщины в праздник Фесмофорий постятся, сидя на земле, а беотийцы передвигают святилища Скорбящей и называют этот праздник тягостным, потому что Деметра пребывает в печали из-за ухода Керы вниз.

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
сезон Плеяд приходит тот месяц посева, который египтяне называют Афир, афиняне – Пианепсион, а беотийцы – Даматрий. А Феопомп пишет, что обитатели запада считают и называют зиму Кроном, лето – Афродитой, а весну – Персефоной и думают, что все произошло от Крона и Афродиты*. Фригийцы же, полагая, что зимой бог спит, а весной просыпается, то усыпляют его, то пробуждают вакхическим служением. А пафлагонцы утверждают, что зимой бог связан и заперт, а весной – встряхивается и освобождается.

* Разночтение: в храмах Исида. Норфгер, р. 42; Loeb, р. 160.

Не исключено, что этот эпитет означает «ахейская» (богиня).

* Запад – это Сицилия и Италия. В Кроне, очевидно, надо видеть Сатурна; Афродита чаще отождествлялась с иесной, чем с летом.

70.

Также определенное время года вызывает подозрение, что печаль происходит от сокрытия зерен, которых древние считали не богами, но дарами богов, великими и необходимыми для того, чтобы не жить дико и звероподобно. В ту пору, когда они видели, что плоды на деревьях портятся и совсем пропадают, они с трудом и скудно сеяли зерно, разгребая землю руками и снова накидывая ее, и клали семя в землю в неведении, примется ли оно и достигнет ли зрелости, и делали многое подобно тем, кто хоронит и скорбит. Опять-таки, как о покупателе книг Платона мы говорим, что он покупает Платона, а о том, кто декламирует сочинения Менандра, говорим, что он играет Менандра, так и они не чурались именами богов называть их дары и творения, почитая и возвеличивая их за полезность. Потом же, воспринимая это невежественно и без понимания, перенося на богов превращения зерна и не только называя, но и считая появление и исчезновение необходимого пропитания рождением и смертью богов, преисполнились глупых, преступных и мутных учений, хотя нелепость этой бессмыслицы была им в глаза.

И справедливо Ксенофан из Колофона* настаивает, чтобы египтяне, если они считают плоды богами, не оплакивали их, а если оплакивают, то чтобы не считали богами: разве не смешно, что тот, кто оплакивает, одновременно молит их явиться вновь и созреть для него с тем, чтобы они опять погибли и были оплаканы.

* философ VI в. до н. э.

71.

Однако дело обстоит не так. Ведь они оплакивают плоды, а молят богов, первопричину и дарителей, чтобы те создали и взрастили новый урожай взамен погибшего. Поэтому прекрасно говорят философы, что тот, кто не научился правильно слышать слова, плохо проявляет себя и в деле. Так, некоторые из эллинов, не научившись и не привыкнув называть медные, рисованные и каменные изображения статуями и знаками почета богам, затем осмелились говорить, что Афины ободрал Лахар, златокудрого Аполлона остриг Дионисий, а Зевс Капитолийский сгорел и погиб во время Союзнической войны*; таким образом они незаметно насаждают и протаскивают дурные представления, вытекающие из слов. Все это в не меньшей степени испытали и египтяне из-за почестей, оказываемых животным. В этом случае греки правильно и говорят, и думают, что голубь – любимая живность Афродиты, змея – Афины, ворон – Аполлона, а собака – Артемиды, как сказал Эврипид:

«Ты станешь собакой – кумиром светоносной Гекаты».

Большинство же египтян, холя и ублажая этих животных как богов, не просто наполнили свои священные обряды смешными и забавными вещами – это еще наименьшее зло глупости; но возникает ужасное учение, ввергающее слабых и невинных в подлинное суеверие, а у более остроумных и дерзких вырождающееся

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
в дикие, отрицающие богов суждения. Поэтому будет не лишним сказать об этом разумное слово.

* В 300 г. до н. э. Лахар, возглавлявший оборону Афин от Деметрия Полиоркета, использовал позолоченное одеяние статуи Афины на военные нужды (Paus., Г, 25, 7; Athen., IX. 405F). По той же причине «остриг» Аполлона сиракузский тиран Дионисий Старший (Aelian., Var Hist. I, 20). Храм Юпитера Капитолийского до времен Плутарха горел дважды: в 83 г до н. э. при Сулле и в 69 г. н. э. при Вителлин (Tac, Hist. III, 72).

72.

Представление о том, что боги вселились в подобных животных из страха перед Тифоном, как бы спрятавшись в тела ибисов, собак и соколов, перещеголяло всякую небылицу и сказку*. Также недостоверно, что воскресение сохранившихся душ умерших происходит как переселение только в эти существа. Из тех, кто желает сослаться на государственные дела, одни рассказывают, что Осирис в большом своем походе разделил войско на многие части, которые по-гречески называются отрядами и колоннами, и дал всем знаки в виде зверей, каждый из которых стал священным и почитаемым для рода того, кому они были назначены; другие говорят, что позднейшие цари ради устрашения врага являлись, надев золотые и серебряные звериные маски; третьи же пишут, что один грозный и хитрый царь, усмотрев, что египтяне по природе легкомысленны и чрезвычайно склонны к переменам и новшествам и что, когда они единомысленны и действуют заодно, сила их непобедима и неукротима благодаря численности, явил им и посеял среди них неискоренимое суеверие как основание для вечного раздора. Так как разным племенам он приказал чтить и почитать разных тварей, а животные относились друг к другу неприязненно и враждебно и по своей природе стремились пожрать друг друга, то люди постоянно защищали каждый своих, с трудом переносили, если животных обижали и, незаметно вовлеченные в их вражду, перессорились между собой. И до сих пор среди египтян только ликополиты едят овцу в подражание волку, которого они считают богом. Окси-ринхиты же до наших дней ловят собаку, закалывают ее и поедают как жертвенное животное, потому что кинополиты едят осетра. По этой причине они вступили в войну, причинили друг другу ущерб, а позже были обузданы и помирены римлянами.

* Согласно египетской традиции в животных превратились Сет и его сторонники. О переселении благих богов сообщают античные авторы. См Th Hopfner, *Fontes Historiae Religionis Aegypticae*. Bonnæ, 1922, ч. 1, стр 81, ч. II, стр. 151

Названия городов происходят от слов «волк», «осетр» и «собака».

73.

Но так как многие утверждают, что в эти твари* переселилась душа самого Тифона, то, возможно, миф символически показывает, что все неразумное и дикое в природе есть часть дурного демона, и для того, чтобы умиловить и унять его, пекутся и заботятся об этих животных. И если приключается длительная и тяжкая засуха, вызывающая сверх прочего или губительный мор, или другие неожиданные и ужасные бедствия, то жрецы во мраке, тишине и молчании выводят некоторых из почитаемых животных и сначала грозят им и запугивают их, а если бедствие продолжается, закалывают и приносят их в жертву, как будто это является наказанием демона или, иначе, – великой искупительной жертвой в великой беде. А в городе Илифии, как пишет Манефон, заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его. И это делали открыто и в определенное время: в собачьи дни. Жертвоприношения же чтимых животных совершаются втайне, в неустановленный срок, от случая к случаю и скрытно от толпы, за исключением погребальных церемоний, когда выставляют трупы некоторых животных и хоронят их вместе, в присутствии всех, считая, что в свою очередь наносят ущерб и вредят тому, что любит Тифон. Ибо Осирису, по-видимому, посвящен только

Алис с немногими другими животными, а Тифону предназначают большую часть тварей. Если это объяснение правильно, то я думаю, что оно отвечает на расспросы относительно тех живностей, которые признаны всеми и которые получают общеизвестные почести; таковыми являются ибис, сокол, собакоголовая обезьяна, сам Апис и Мендес: так называют в городе Мендесе козла.

* Т е. в почитаемых животных.

74.

Остаются еще полезность и иносказательность; некоторые обычаи имеют тр или другое основание, большинство же обладает и тем, и другим. Очевидно, что быка, овцу и фараонову мышь стали чтить ради нужды в них и их полезности (так, жители Лемноса чтят жаворонка, который отыскивает и разбивает яйца саранчи. А фессалийцы почитают аистов, потому что, когда земля порождает множество змей, аисты являются и уничтожают их всех. Поэтому они приняли закон о том, что каждый, убивший аиста, отправляется в изгнание); чтит также аспиду, ласку и скарабея, так как усматривали в них некое слабое подобие божественного могущества, как в каплях – отражение солнца. До сих пор многие думают и рассказывают, что ласка зачинает через ухо, а рождает – через рот, и что это – подобие рождения слова; также говорят, что скарабей не имеет самок и что все самцы выпускают семя в вещество, сбитое в шарики, которые они катят, толкая их назад, так же как солнце по видимости вращает в обратном направлении небо, направляясь само с запада на восток. Аспиду же сравнивают со звездой*, потому что он не стареет и движется легко и ловко без помощи членов.

* Разночтение: с молнией. Лоев, р. 172. Аспид – это, видимо, кобра, звезда – Сириус.

75.

Так же и крокодил пользуется почетом, не лишенным убедительного основания, – ведь его называют подобием бога потому, что только у него одного нет языка, а божественное слово не нуждается в звуке и,

«двигаясь по бесшумному пути, справедливо правит делами смертных»*.

И говорят, что из обитателей воды только у него одного глаза прикрывает нежная и прозрачная пленка, спускающаяся со лба, так что он видит, будучи невидимым, а это свойство присуще Первому богу. И где самка крокодила откладывает яйца, там она отмечает предел разлива нила.

Ибо откладывать в воде они не могут, далеко от воды – боятся, но так точно предугадывают будущее, что принося и обогревая яйца, они пользуются подъемом реки и сохраняют их сухими и неподмоченными. Они кладут шестьдесят яиц, столько же дней высиживают их, и столько же лет живут самые долголетние крокодилы, а это число – первое для тех, кто занимается небесными светилами. Что касается животных, которых почитают по двум причинам, то о собаке было сказано выше. Ибис же, который убивает смертоносных пресмыкающихся, первым научил людей пользоваться врачевными очищениями, ибо они видели, как он промывает и опорожняет сам себя. И самые строгие жрецы, подвергаясь очищению, берут очистительную воду там, где пил ибис, потому что если вода вредна или околдована, он не пьет ее и даже не подходит к ней. Расстояние между ногами и промежутком между ногами и клювом образуют у него равносторонний треугольник, а узорчатое смешение его черных и белых перьев напоминает месяц. И не нужно удивляться, что египтяне привержены к таким слабым подобиям. Ведь и греки для лепных и рисованных изображений богов используют многие похожие символы. Например, на Крите была статуя Зевса, не имеющая ушей: ибо ничего не подобает слышать повелителю и владыке всего сущего. Возле статуи Афины Фидий поместил змею, а возле статуи Афродиты в Элиде – черепаху, потому что девы нуждаются в

защите, а замужним женщинам пристали домоседство и молчаливость. Трезубец же Посейдона символизирует третью часть земли, которой владеет море, занимающее место после неба и воздуха; и отсюда произошли имена Амфитриты и тритонов. Также пифагорейцы украшают именами богов числа и фигуры. Равносторонний треугольник они называют Афиной, рожденной из головы и трижды рожденной, потому что его делят три перпендикуляра, проведенные из трех углов.

Единицу называют Аполлоном из-за того, что она отрицает множественность и из-за простоты единичного; двойку – раздором и дерзостью, а тройку – справедливостью: так как нанесение несправедливости и претерпевание одной проистекает из недостатка и избытка, то справедливость, благодаря равновесию, оказывается посредине; а так называемая четверица, число тридцать шесть, была, как общеизвестно, величайшей клятвой и называлась космосом, потому что она образована из соединения первых четырех и четырех нечетных чисел*.

* Eurip., Troades 887 сл.

Афина-Тритогея может быть, эпитет происходит от места рождения Афины – ливийской реки Тритон; в целом нельзя найти ни одного вполне удовлетворительного его объяснения.

* $1 + 2+3 + 4+5 + 6 + 7 + 8 = 36$

76.

Итак, если самые знаменитые философы, усматривавшие отражение божества в бездушных и бестелесных элементах, думали, что ничем нельзя пренебрегать и ничто нельзя оставлять без внимания, то я полагаю, что особи, облеченные в естество, способное к восприятию, имеющее душу, чувство и характер, тем более достойны любви; и почитают не их, но через них – божество, потому что они являются его яснейшим и природным зеркалом и потому что в них надо признать творения и создания все устрояющего бога*. Да и вообще не следует бездушное ценить выше одушевленного и бесчувственное – выше способного к восприятию, не следует – даже если бы кто-нибудь соединил вместе и воедино все золото и все смарагды. Не в цвете, форме или гладкости обитает божество, ибо то, что не причастно и по природе своей не может быть причастно к жизни, имеет участь более бесславную, чем участь мертвых. Природа же, которая живет, видит, имеет в себе источник движения и знание своего и чужого, впитала в себя истечение и долю красоты от Мыслящего, «кем управляется Все», – как сказал Гераклит. Поэтому несколько не хуже уподоблять божество этим живностям, чем медным и каменным изделиям, которые подвержены порче и изменению и лишены от природы всякого чувства и разума. Вот что больше всего одобряю я из того, что говорят о почитаемых животных.

* Разночтение: так что и душе надо видеть орудие все устрояющего бога.

77.

Что касается одежды, то у Исиды она пестрого цвета, ибо, принадлежа к материи, энергия ее становится всем и все в себе включает: свет и тьму, день и ночь, огонь и воду, жизнь и смерть, начало и конец. Одевание же Осириса не приемлет тень и пестроту и является одним чистым подобием света, ибо начало – беспримесно, и ни с чем не смешано первичное и сверхчувственное. Поэтому, надев однажды это платье, жрецы затем снимают его и берегут невидимым и неприкосновенным. А покровами Исиды они пользуются часто, потому что чувственное и доступное, когда его используют, представляет много случаев раскрывать и лицезреть себя, изменяясь каждый раз по-разному. Напротив, знание сверхчувственного, чистого и простого*, просияв сквозь душу, как молния, только один раз позволяет коснуться и увидеть себя. Поэтому Платон и Аристотель называют все это мистической частью философии, ибо, миновав сложное и разнородное с помощью разума, люди

Плутарх Об Исиде и Осирисе filosoff.org
возносятся к этому первичному, простому и нематериальному началу и, по-настоящему коснувшись заключенной в нем чистой истины, полагают, что обладают, наконец, всей мудростью.

* Разночтение: и священного. Griffiths, p. 242.

Plato, Symp. 210a слл. В дошедших до наших дней трудах Аристотеля подобное высказывание не встречается.

78.

И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог* правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, подозревающих, что в самом деле святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец. Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ которые облакаются в этом мире в тела и страсти, бывает сопричастие богу только как образу туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исиды, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе.

* Осирис.

79.

И если еще надлежит, как я обещал, рассказать о ежедневных воскурениях, то кто-нибудь сначала мог бы подумать об этом, что люди всегда окружают великой заботой обычаи, имеющие отношение к здоровью; особенно религиозным обрядам, очищениям и строгому образу жизни попечение о здоровье присуще не меньше, чем благочестие. Ибо египтяне не считают достойным служить с большими и порочными изнутри телами или душами чистому, всецело невредимому и незапятнанному. В самом деле, воздух, которым мы пользуемся и с которым соприкасаемся больше всего, не всегда имеет один и тот же состав и состояние, но по ночам уплотняет и сдавливая тело и вместе с ним ввергает в уныние и заботу душу, как бы отяжелевшую и отуманенную; поэтому, восстав ото сна, они тотчас возжигают камедь, оздоравливая и очищая воздух через разряжение его, и снова воспламеняют угасший природный дух тела, потому что аромат камеди имеет в себе нечто мощное и возбуждающее. Опять-таки, когда они видят, что полуденное солнце силой увлекает с земли обильные и тяжелые испарения и смешивает их с воздухом, тогда они возжигают смирну, ибо тепло разгоняет и рассеивает сгустившуюся в атмосфере муть и пыль. По-видимому, из тех же соображений врачи в случае эгидемии оказывают помощь, разжигая большой огонь и очищая воздух. Лучше всего он очищается, если жгут пахучее дерево, например, кипарис, можжевельник и сосну. Рассказывают, что в Афинах во время большой эпидемии прославился врач Акрон, который велел разводить возле больных огонь: он помог немало числу людей. И Аристотель* утверждает, что благовонное дыхание пахучих растений, цветов и лугов приносит не меньше здоровья, чем удовольствие, потому что теплотой и нежностью оно постепенно размягчает холодный и бесчувственный от природы мозг. И если египтяне называют смирну «баль», а перевод этого слова означает прежде всего «изгнание избытка», то это, может быть, дает некоторое подтверждение нашему мнению о причине ее употребления.

* В сохранившихся работах Аристотеля ближе всего к этому фрагменту стоят рассуждения в Part. Anim. 2, 7.

80.

А смесь куфи* образуется из шестнадцати составных частей: из меда, вина, изюма, кипера, камеди, смирны, колючего дрока, сесели, морского лука, горной смолы, тростника, щавеля; кроме того, из обоих видов можжевельных ягод (из которых один называют большим, а другой меньшим), из кардамона и аира. Сочетаются они не как придется, но, когда парфюмеры смешивают все это, им читают священные письма. Менее всего можно утверждать, что само число способствует успеху, хотя оно кажется весьма достойным похвалы, ибо является квадратом квадрата и единственное из всех чисел, содержащих квадрат, имеет периметр, равный площади. Но дело в том, что большинство компонентов состава содержат ароматическую энергию и испускают сладостные и полезные веяния и испарения, от которых воздух преобразуется, а тело, медленно и легко движущееся среди дуновений, приобретает состав, располагающий ко сну; и все печали и напряжения дневных забот без помощи вина аромат распускает как узлы и ослабляет. Он полирует, как зеркало, орган, воспринимающий сны и фантазии, и проясняет его не менее, чем звуки лиры, к которой перед сном прибегают пифагорейцы, заклиная и успокаивая страстное и неразумное начало души. Пахучие растения часто возвращают потерянную чувствительность, часто, напротив, притупляют и ослабляют ее вновь, когда их испарения нежно разливаются по телу. Поэтому некоторые врачи говорят, что сон возникает тогда, когда испарения от пищи, легко движущиеся по внутренностям и соприкасающиеся с ними, производят нечто вроде щекотки. Куфи пользуются и как питьем, и как мазью; думают, что когда его пьют, то оно, будучи мягчительным средством, очищает внутренности. Кроме того, смола происходит от солнца, а смирна – от растений, источающих смолку на солнечном свете. Из трав, входящих в состав куфи, есть такие, которые больше любят ночь, подобно тем, что по природе своей набирают силу от холодных ветров, тени, росы и влаги. И в то время как свет дня единичен и прост, – ведь Пиндар сказал, что солнце видно «в пустынном эфире» – ночной воздух является разбавкой и смесью многих видов света и энергии, как будто со всех звезд в одно место упали семена. Итак, вполне справедливо благовония, простые и ведущие свой род от солнца, они воскурят днем, а иное, как нечто смешанное и качественно разнородное, – с наступлением ночи*.

* Рецепт куфи, очевидно, заимствован Плутархом у Манефона.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!